
ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».
МОСКВА.
ПОБЕДЕ—ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА.
СЛАВА НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!

Фоторепортаж вели:
Дм. Бальтерманц,
А. Бочинин,
А. Гостев,
М. Савин.

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 1 МАЯ 1970 ГОДА.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 19 (2236)

Основан 1 апреля 1923 года

9 МАЯ 1970

Праздник 1 Мая — это боевой смотр международной солидарности трудящихся. Это — великая демонстрация их воли к единству в борьбе против эксплуатации и угнетения, за национальную независимость, демократию и мир, во имя торжества великих идей социализма.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на торжественном митинге представителей трудящихся Москвы, посвященном международному празднику — Первое мая.

Москва. Июнь 1945 года. Поверженные фашистские знамена на Красной площади.

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский.

Г. К. ЖУКОВ,
Маршал Советского Союза,
четырежды Герой Советского Союза,
Герой Монгольской Народной Республики

Последнее крупнейшее сражение второй мировой войны в Европе — Берлинская операция — занимает особое место.

Она подвела итог титанической борьбе с темными силами фашизма и ознаменовала собой победу советского оружия, победу героических наших солдат и офицеров и всего советского народа, победу нашей партии, нашего строя, социалистической идеологии — победу великого дела Ленина.

Замысел Берлинской операции в Ставке в основном определился в ноябре 1944 года и уточнялся в ходе Висло-Одерской, Восточнопрусской и Померанской операций.

29 марта 1945 года по вызову Ставки я прибыл в Москву, имея при себе план Первого Белорусского фронта по Берлинской операции. В тот же день поздним вечером И. В. Сталин вызвал меня к себе, в кремлевский кабинет. Он был один.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

По нашим данным, немцы имели на берлинском направлении четыре армии. Как было уточнено впоследствии, не менее миллиона солдат и офицеров, 10 тысяч орудий и минометов, полторы тысячи танков и штурмовых орудий и 3 300 боевых самолетов. В самом Берлине формировался двухсоттысячный гарнизон.

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил И. В. Сталин.

— Первый Белорусский фронт,— доложил я,— может начать наступление не позже, чем через две недели. Первый Украинский, видимо, также будет готов к этому сроку. Второй Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с Первым Белорусским и Первым Украинским.

— Ну что ж,— сказал И. В. Сталин,— придется начать операцию, не ожидая Рокоссовского. Если он запоздает на несколько дней, не беда.

На следующий день начальник Генерального штаба А. И. Антонов ознакомил меня с проектом общего стратегического плана Берлинской операции, спроектированного Ставкой, куда полностью был включен план наступления Первого Белорусского фронта.

Разгром берлинской группировки и взятие Берлина должны были осуществить войска Первого Белорусского фронта при содействии Первого Украинского фронта.

31 марта в Генштаб прибыл командующий Первым Украинским фронтом И. С. Конев. Он ознакомился с общим планом Берлинской операции и доложил проект плана наступления войск своего фронта.

Насколько мне не изменяет память, все мы были тогда едины во всех принципиальных вопросах.

1 апреля в Ставке Верховного Главнокомандования был заслушан доклад А. И. Антонова об общем плане Берлинской операции, а затем мой доклад и доклад И. С. Конева.

Верховный Главнокомандующий не согласился с разграничительной линией между Первым Белорусским и Украинским фронтами, изменил ее и отдал ряд важных уточняющих указаний. Вечером в моем присут-

ствии И. В. Сталин подписал директиву Первому Белорусскому фронту о подготовке и проведении операции с целью овладения Берлином и указание в течение 12—15 дней выйти на Эльбу.

После внесения необходимых исправлений была подписана и директива Первому Украинскому фронту.

Наступление на Берлин Первый Белорусский и Первый Украинский фронты начинали 16 апреля, не дожидаясь действий Второго Белорусского фронта, который мог начать наступление с Одера не ранее 20 апреля.

Времени у нас оставалось в обрез. А мероприятий, которые надо было срочно провести, предстояло очень много. Требовалось организовать перегруппировку войск, подвезти огромный запас материальных средств, осуществить большую, всестороннюю оперативно-тактическую и специальную подготовку фронта для такой исключительно важной и необычной операции, как взятие Берлина. И совершить все это в условиях весенней распутицы и ледохода, скрытно от врага, соблюдая строжайшую маскировку.

В течение всей войны мне пришлось быть непосредственным участником многих крупных и важных наступательных операций. Но предстоящая битва за Берлин являлась особой, ни с чем не сравнимой операцией. Войскам фронта необходимо было прорвать сплошную эшелонированную зону непрерывных мощных оборонительных рубежей, которые начинались от самого Одера. Здесь, на подступах к Берлину, предстояло разгромить крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской Германии, которая была очень сильно укреплена. Таких крупных, сильно укрепленных городов, как Берлин, нам брать еще не приходилось. Его общая площадь составляла почти 900 квадратных километров. Развитая сеть подземных сооружений давала вражеским войскам возможность осуществлять широкий маневр. Гитлеровское командование создало специальный штаб обороны Берлина. На оборонные работы было привлечено свыше 400 тысяч человек. Жилые кварталы превращены в крепости. У мостов и перекрестков в землю вкопаны танки, используемые в качестве огневых точек.

В городе сосредоточены отборные эсэсовские и полицейские части.

Нельзя было не принимать во внимание и того обстоятельства, что за свою столицу враг будет драться смертным боем.

В то же время Берлинской операцией героические советские войска, прошедшие с боями тысячекилометровые расстояния, умудренные опытом крупнейших сражений, закаленные в ожесточенных боях, заканчивали долгий путь к победе, подводили итог войне. Они горели желанием быстрее добить врага.

Вечером 1 апреля я позвонил начальнику штаба фронта генерал-полковнику М. С. Малинину и сказал:

— Все утверждено без особых изменений. Времени у нас мало. Принимайте меры. Вылетаю завтра.

Этих лаконичных указаний для Михаила Сергеевича было достаточно, чтобы немедленно начать проведение всех запланированных мероприятий по подготовке операции.

Одновременно с оперативно-тактической и материальной подготовкой операции Военными советами, политорганами и партийными организациями проводилась большая партийно-политическая работа.

В эти дни мы отмечали 75-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. Вся воспитательная работа одухотворялась именем вождя революции. Политическое сознание бойцов и офицеров в эти исторические дни завершения войны было чрезвычайно высоко. Все больше воинов вступало в ряды Коммунистической партии.

...Около трех часов ночи 16 апреля вместе с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом К. Ф. Телегиным мы прибыли на НП командующего 8-й гвардейской армией генерала В. И. Чуйкова. Во всех звеньях шла последняя проверка боевой готовности к началу действий. Чувствовалось, что армия готова драться по-настоящему, как и полагается сражаться с сильным, опытным и стойким врагом.

За три минуты до начала артподготовки мы вышли из землянки и заняли свои места на наблюдательном пункте. Я взглянул на часы: было пять утра по московскому времени.

И тотчас же задрожала земля от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных «катюш», а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

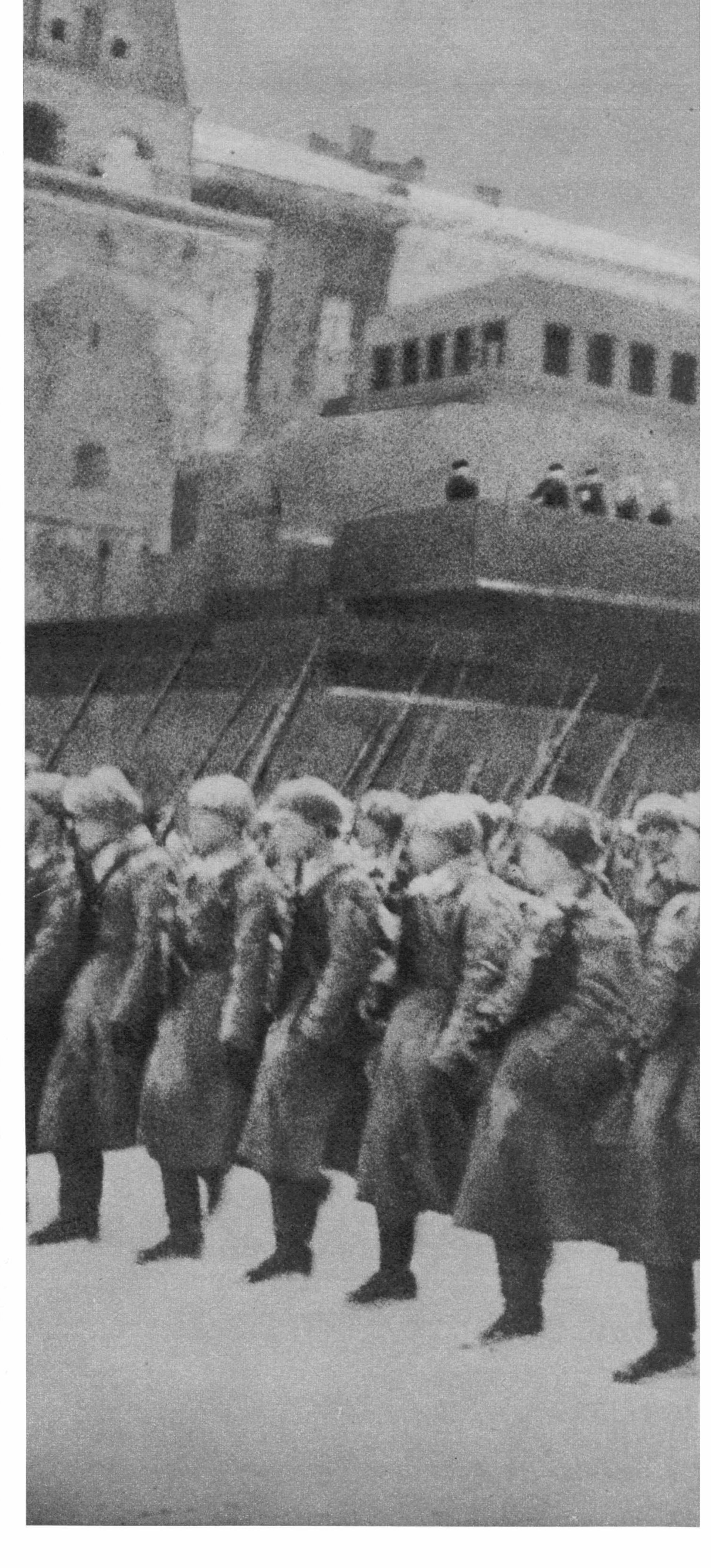
Взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнуло 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более ста миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Картина эта была огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню равного ощущения.

Ночная атака пехоты и танков явилась полной неожиданностью для врага, ошеломила его. Гитлеровские войска были буквально потоплены в сплошном море огня и металла. Непроницаемая стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить.

Утром 16 апреля на всех участках фронта войска успешно продвигались вперед. Однако противник, придя в себя, начал оказывать противодействие в районе Зееловских высот артиллерией, минометами, а со стороны Берлина появились группы бомбардировщиков. И чем дальше продвигались наши войска к Зееловским высотам, тем сильнее нарастало сопротивление врага.

У подножия этих высот немцы рассчитывали остановить наше наступление. Здесь они сосредоточили наибольшее количество сил и средств. Зееловские высоты ограничивали не только действия танков, но являлись серьезным препятствием и для артиллерии, закрывая глубину обороны противника и делая невозможным наблюдение ее с земли. Для гитлеровцев удержание этого рубежа имело и огромное моральное значение. Ведь за ним лежал Берлин!

Продолжение см. на стр. 28.

МОСКВА. КРАСНАЯ

ПЛОЩАДЬ. 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА.

Недалеко от Москвы...

МОСКВА. ЗИМА 1941.

Политрук Клочков — Диев, славный панфиловец, сражаясь на ближних подступах к Москве, сказал, обращаясь к своим бойцам:

— Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва...

Немецко-фашистские полчища, уверенные в том, что Москва непременно падет к их ногам, шли напролом. Уже геббельсовская пропаганда кричала на весь мир, что через несколько часов немцы войдут в Москву. Немецкие генералы в бинокли различали колокольни Московского Кремля.

Но развернулась предельно сжатая пружина народного сопротивления, страшный встречный удар обрушился на наступавшего лютого и наглого врага, были обрублены гигантские щупальца, обвивавшие Москву с трех сторон, и началось наше наступление — первое большое наступление с начала войны!

Разгром немцев под Москвой в суровую зиму 1941 года показал наглядно всем, что немцев можно бить и они будут биты, вселил надежду в сердца попавших в фашистскую неволю советских людей и других народов на то, что освобождение придет. И придет с Востока! От стен Москвы!

Партсобрание на передовой.

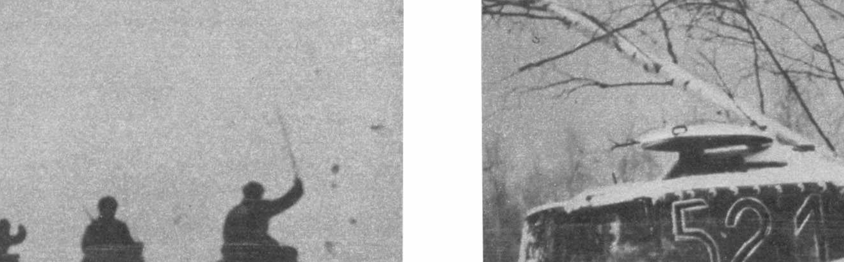

Конники Белова южнее Каширы.

На страже московского неба.

Немецкая техника, захваченная под Москвой.

ЛЕНИНГРАД

Зима 1943 года.

СЕВАСТОПОЛЬ

9 мая 1944 года. Они вернулись в родной город.

Киев, Одесса, Севастополь пали...

Дорогой ценой заплатили неприятельские армии за свои временные успехи. Сотнями тысяч своих могил усеяли они нашу землю, продвигаясь и к Ленинграду.

Город Ленина — колыбель Революции — удалось отстоять, несмотря на тягчайшие страдания и тяготы населения и войск. На Пискаревском кладбище покоятся ленинградцы, погибшие от блокадного голода, от болезней и вражеских снарядов. Их смерть звала к отмщению.

Прорвана была блокада Ленинграда, покатились назад немецкие армии. Устремились вперед фронты юга — и вот уже возвращены Родине Севастополь, город русской военной славы, красавица Одесса, жемчужина нашего Черноморья, древний Киев — мать городов русских...

ГОРОДА-ГЕРОИ

ОДЕССА

24 сентября 1941 года. «Больше по Одессе стрелять не будешь» — такую надпись сделали защитники города на захваченном у фашистов дальнобойном орудии.

КИЕВ

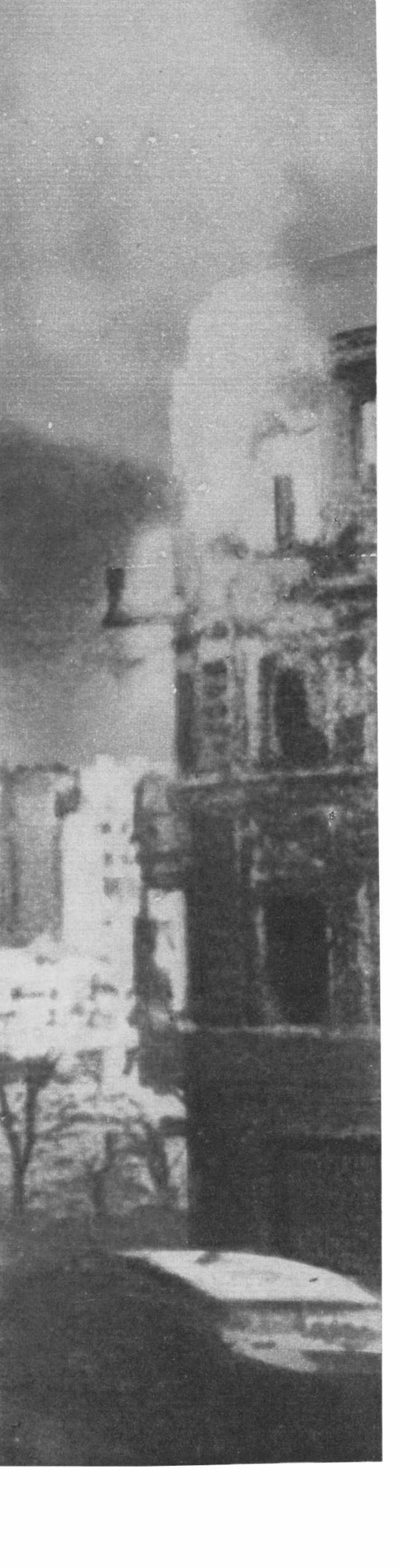
6 ноября 1943 года. Утром этого дня советские воины освободили столицу Украины.

Красное знамя реет над площадью Павших борцов.

СТАЛИНГРАД. 1942 -

Клятва перед боем.

1943.

Бывалый воин.

— Сталинград не отдадим!

Эта клятва звучала в сердцах советских воинов, сражавшихся на берегах Волги. Каждый дом, каждое здание Сталинграда таили смерть для врага. Взгляните в лицо старого русского солдата-артиллериста. Он испытан всеми видами опасностей и многими смертями, заглядывавшими в его глаза. Гвардейца не сломить!

И Сталинград устоял. Здесь в приволжских и донских степях огненным непреодолимым кольцом были охвачены немецкие армии, пробравшиеся к Волге, и здесь они нашли себе погибель.

Здесь родился тот смерч, который погнал фашистские орды на Запад. От Сталинграда до Берлина предстоял еще долгий путь, но первый указатель — «На Берлин» — был поставлен у волжских берегов.

Грандиозная битва у Сталинграда стала блистательной страницей военной истории нашей великой державы.

Воронежский фронт. Май 1943 года. Десантники под прикрытием танков.

КУРСКАЯ ДУГА. 1943.

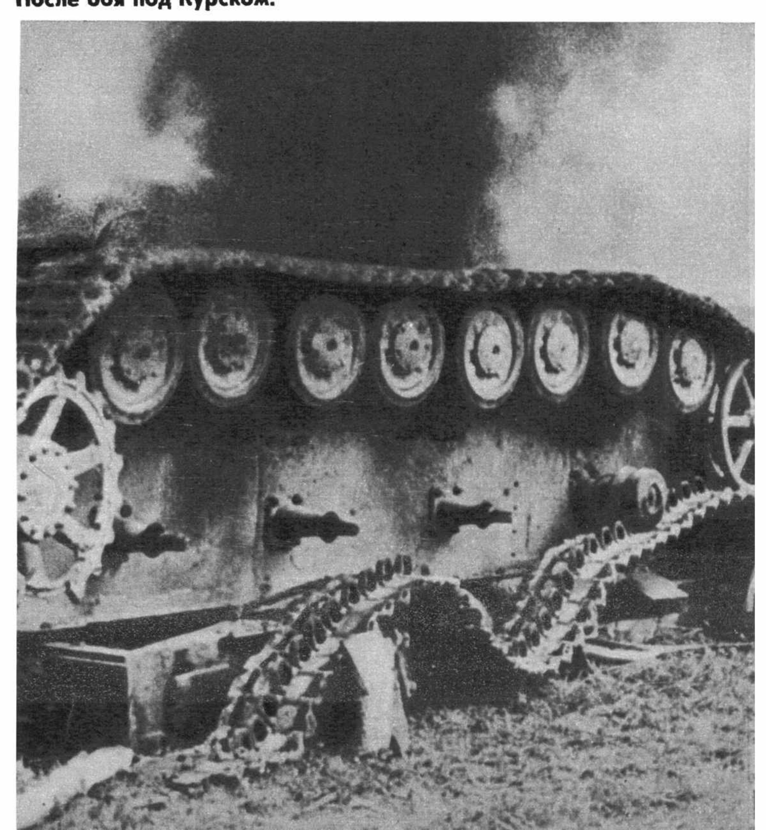
Взять реванш! Во что бы то ни стало доказать, что немцы способны победить русских,— таков был замысел фашистского командования перед битвой на Курской дуге.

Но вот горят немецкие танки, неостановимо движение советской пехоты, и входят воины-освободители в старый русский город Орел, а фашистский солдат у своего разбитого орудия бессильно уронил голову в ладони...

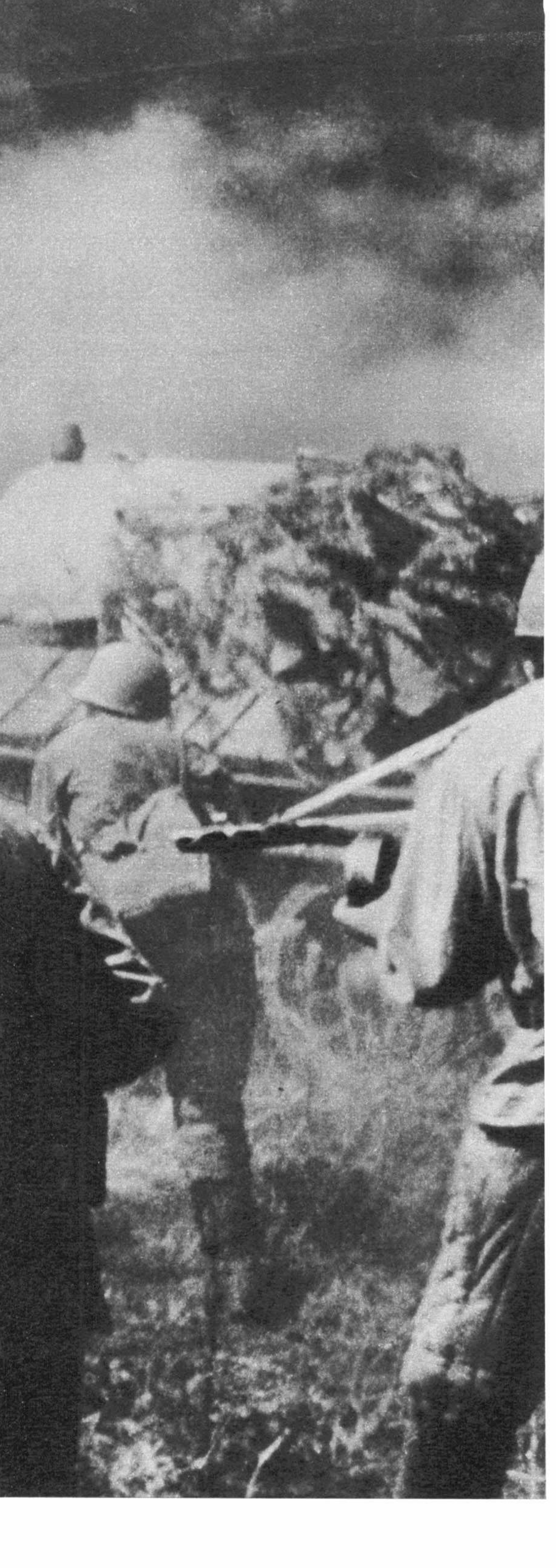
Курская битва знаменовала конец немецкого «дранг нах остен». Победа навсегда отвернула от гитлеровцев свое лицо... Предстояли еще полтора года битв, но это были битвы, итоги которых уже пророчески начертались на скрижалях истории:

— Победа советского народа — неотвратима!

После боя под Курском.

Довоевался...

Орден Славы. Пятиконечная звезда с коротким словом «Слава» на оранжево-черной ленте. Солдатский орден! Право на него имели только «...лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта...». Это право завоевывалось только личным подвигом на фронтах Великой Отечественной войны.

868 тысяч советских воинов награждены орденами Славы 3-й степени, около 46 тысяч — орденами Славы 2-й степени, а 2 456 человек, храбрейшие из храбрых, являются полными кавалерами ордена Славы. 350 из них приняли участие во всесоюзной встрече, недавно состоявшейся в Москве. Перед ветеранами Великой Отечественной войны выступил Министр Обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота А. А. Епишев сделал доклад.

Один за другим поднимались на трибуну бывшие воины. Они, кавалеры ордена ратной славы, не только вспоминали дела боевые, но рассказывали о мирной славе, славе труда.

На встрече выступили заместитель Министра Обороны СССР Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, молодые воины. Участники встречи с воодушевлением приняли письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР. На встрече также было принято обращение к бывшим фронтовикам и воинам Вооруженных Сил СССР. Кавалерам ордена Славы вручены именные подарки Министра Обороны СССР.

В преддверии 25-летия победы над фашистской Германией состоялась встреча героев войны и в редакции «Огонька». На первый взгляд совсем разные люди сидели за нашим столом: рабочий и заместитель министра, следователь прокуратуры и шофер, колхозник и доктор наук... Литовец и туркмен, белорус и русский сибиряк, узбек и грузин... Каждый из них представлял свою республику — одну из пятнадцати равных. Но кажется, не найдется на свете людей, которые были бы способны быстрее и легче понять друг друга. Близость их, кровное родство рождались, мужали, закалялись на полях брани и превратились в испытанный огнем сплав воинского братства. Все наши гости удостоены орденов Славы трех степеней или звания Героя Советского Союза. А один из них, Иван Драченко, не только полный кавалер ордена Славы. На его груди и Золотая Звезда... Таких людей в Советском Союзе только трое.

ГОВОРЯТ СОЛДАТЫ

Фото А. БОЧИНИНА.

Иван Драченко — летчик-штурмовик. 178 боевых вылетов совершил он за два неполных года, с июня сорок третьего. До сих пор газеты и журналы пишут о том, как он уничтожал танки и эшелоны врага, как бесстрашно бросался в бой с фашистскими асами. Как встретился с двенадцатью «мессерами», вывел из боя изрешеченный пулями самолет и благополучно посадил его на свой аэродром. Как через двадцать минут после того страшного боя ему снова приказали лететь в этот район, и он полетел и выполнил задание и был представлен к первому ордену Славы.

Но, может быть, не все знают, что эту операцию, как и остальные 156 из 178 боевых вылетов, он совершил без правого глаза?!.

— Четырнадцатого августа сорок третьего года вечером три шестерки штурмовиков пошли на Мерефу—железнодорожный узел под Харьковом, к которому двигалась колонна немецких танков,— рассказывает Драченко.— Над целью сделали семь заходов, на восьмом меня сбила зенитка. Я потерял сознание и очнулся... в фашистском концлагере в Полтаве. В палате лежало восемь тяжело раненных летчиков. Нас усиленно вербовали во власовскую армию. Кто не соглашался, в тех бросали бутылки с горючей смесью. А мне вырезали глаз за то, что не согласился. Потом стали появляться душегубки. Регулярно, три раза в день, они увозили пленных. Мы решили бежать. Когда нас повезли в Кременчуг, задушили охранника-полицая в кузове, и пятеро, способных двигаться, спаслись. Переходили линию фронта ночью, по звездам. Так я очутился в освобожденном уже Харькове. Оттуда самолетом меня отправили в Москву в госпиталь. После операции мне разрешили вернуться в свою часть, но не на летную работу. По дороге в штаб я встретился с капитаном из нашей дивизии. От него узнал, что на аэродроме есть самолеты нашего полка. Как обрадовался, когда увидал родные «ИЛы»! Вырулил, пошел по кругу, все нормально. Вижу землю. Забрал нашего механика, капитана и прилетел на аэродром. Никто не знал, что у меня один глаз. Выполнял задания, как и все летчики, ходил в разведку...

Сейчас Иван Драченко — заместитель директора киевского Дворца культуры «Украина».

«Небесным странником» в годы войны был еще один участник встречи в «Огоньке» — тракторист киргизского колхоза Абдыкасым Карымшаков. Он тоже летал на штурмовике, но в качестве воздушного стрелка. Нашей редакции он причинил немало волнений. Телеграмма из Фрунзе извещала, что Карымшаков вылетает двадцать четвертого, рейс такой-то. Самолет приземлился вовремя, но прошло два часа, три, а Карымшакова не было. Его разыскивали справочные Домодедовского аэропорта и гостиниц. Никаких следов! Только на следующий день в редакционном холле появился прямой, степенный аксакал из горного аила, что на берегу Иссык-Куля. Это и был Карымшаков. Наши тревожные вопросы он пресек одной фразой: «Поехал прямо к Толе». «Кто такой Толя?» «Анатолий Яковлевич — командир нашего самолета. Пригласить на завтра? Конечно, можно. Я ему передам».

«Толей» оказался полковник, старший преподаватель Академии имени Фрунзе, дважды Герой Советского Союза Анатолий Яковлевич Брандыс. Вот что он сказал о своем боевом друге:

— Андрей, так мы звали порусски Карымшакова,—воин замечательный. Очень храбрый това-

рищ. Несколько раз был ранен, но не считал свои ранения серьезными. Не уходил из строя. Так всю войну я и пролетал с одним воздушным стрелком. Вспоминается такой случай из нашей боевой жизни.

Было это при освобождении Крыма в начале апреля сорок четвертого. Уже Совинформбюро объявило, что Крым освобожден, однако 16 апреля мы еще летали и бомбили вражеские военные транспорты, которые увозили награбленное добро. Я вел шестерку и решил обхитрить противника — обойти огонь зенитной артиллерии. Но получилось не так, как было задумано. Мы сами попали под огонь. С земли один за одним начали взлетать истребители противника. Тогда мы решили уйти в море. Вдруг появляются два «фокке-вульфа». Я говорю: «Карымшаков, крутись!» Атаки немцы пока не предпринимали. Но вот появились еще два — «мессершмитты». Заходят сверху. Представляете: два «фокке-вульфа» внизу, два «мессера» наверху! Командую Карымшакову: следи за верхними. А сам наблюдаю за нижними. Карымшаков отражал атаки. А тут еще облака. Из-за них-то я и прозевал одного «фокке-вульфа». Зато Андрей успел подбить «мессера». Тот пошел вниз... А «фокке-вульф» меня ударил по рулям. Самолет наш потерял управление, вошел в пике. Но Карымшаков как ни в чем не бывало продолжал стрелять. А мы падаем, пикируем в море. Пан или пропал, думаю, дал полные обороты двигателю, потянул штурвал, и вдруг самолет послушался, выровнялся, перешел в горизонтальный полет. Вырвались! Вот так бывало...

— А мы, необстрелянные, даже еще ни разу не видавшие боя, должны были принять бой на земле. И в тот самый момент, когда менее всего были к этому готовы.

— Сказал заместитель министра просвещения Эстонской ССР Арнольд Мери. Он одним из первых в стране был удостоен звания Героя Советского Союза за подвиг в самом начале войны.

— Это произошло на Северо-Западном фронте, между Порховом и Дно, где стоял наш 22-й корпус, сформированный в Эстонии. Меня назначили руководителем группы по обеспечению связи между передовой и штабом корпуса и, как комсомольца, заместителем политрука. Как-то днем, сейчас я не помню точно, 14 или 16 июля, когда бойцы нашей группы и я вместе с ними сидели на поляне в лесу и хлебали из котелков суп, мы неожиданно оказались под огнем немецких автоматов. Что произошло, как тут оказались немцы, до сих пор не знаю. До передовой было не менее 20 километров. Никто ничего не понимал. Поднялась паника, беготня...

Я взял команду на себя. Сориентировался на местности так, чтоб, отбиваясь, мы прикрыли штаб корпуса, собрал всех, кто оказался под рукой, — человек 20—25. Все, конечно, необстрелянные, такие же, как и я. Так я вступил в первый бой. Я считал, что мы бьемся против нескольких немецких парашютистов. Разместив ребят за камнями, под деревьями, мы встретили огнем первую атаку немцев и отбили ее. Ну, думаю, все! Больше не полезут. Но минут через двадцать новая атака. И снова мы отбились. Вдруг ударили минометы. Ничего себе, парашютисты! Тут ранило меня. Стало трудно дышать: сказывалась потеря крови. Все-таки я продолжал уговаривать и даже принуждать ребят, чтобы они не терялись под огнем. Придумал залповую оборону, стали стрелять по команде. Не знаю, лучше ли это, но, во всяком случае, шумнее. Ребята приободрились.

Потом меня ранило вторично. Мы продолжали обороняться. Отбили еще несколько атак немцев. Потом я был ранен в третий раз, тяжело, в грудь. Нас оставалось мало, посоветовались и решили: живыми сдаваться не будем! К счастью, нас выручили, — в сумерках подошел батальон. Потом выяснилось, что немцы собирались ударом с тыла прорвать фронт и наткнулись на нас.

— Я тоже хочу рассказать о своем первом бое.

— Сказал старший научный сотрудник Института водных проблем Академии наук СССР, полный кавалер ордена Славы Ефим Минкин.

— Я оказался на фронте, да еще на Сталинградском, прямо со студенческой скамьи. Боевое крещение получил под новый, сорок второй год. Все, наверное, слышали про «остров Людникова»? Это был небольшой клочок земли, всего лишь четыреста метров по фронту, столько же в глубину, и на нем, прижатая с двух сторон к Волге, дивизия полковника Людникова. Как раз невдалеке от позиций нашего полка возвышался полуразрушенный п-образный дом, знаменитый дом — вошел в историю. Командир дивизии приказал его во что бы то ни стало взять. Потому что дом этот обеспечивал немцам прекрасную связь. Одна наша группа уже ворвалась туда, но почти вся погибла. Тогда бросили штурмовой отряд, в который входил и я, во главе со старшим сержантом, тоже студентом Бауманского института. Фамилию его, к сожалению, забыл. Я пошел вторым. Солдат, бежавший первым, прыгнул в пролом в стене здания и тут же рухнул, сраженный пулей. Тогда я бросил в пролом две гранаты. Они сделали свое дело — путь был свободен. Но дальше, в конце длинного коридора, снова немцы. Мы начали бросать туда гранаты. К фашистам позже подошло подкрепление. Немецкий офицер, появившийся в коридоре, подал команду. Я ее понял, потому что я еврей, еврейский язык близок к немецкому, да и в школе я изучал немецкий. Теперь гранаты полетели в нас. Вы сами представляете, состояние наше было довольно скучное. К тому же кончились патроны. Товарищи мои были убиты, и мне ничего не оставалось более, как ползти обратно. Я доложил сержанту обо всем. Он один остался у пролома. Наша попытка удержаться тоже не увенчалась успехом. Взрывами гранат нас сбило с ног. Очнувшись, вижу, сержант убит, сам я ранен и контужен. Кое-как дополз к своим. Потом госпиталь. Может быть, и не совершил тогда ничего особо героического, но тот первый бой запомнился сильнее всех. Ну, а п-образный дом, передавали мне, потом был, конечно, все же взят!

Иван Драченко, Арнольд Мери, Ефим Минкин — люди примерно одного года рождения. Почтенный Абдыкасым Карымшаков приходится им и всем нашим остальным гостям вроде старшего брата, ему уже за шестьдесят. А вот хлопкороб, полный кавалер орденов Славы Ахмет Аллабердыев — один из самых молодых. Ему всего сорок пять. Возраст, конечно, тоже не юношеский. Но в сорок первом, когда уже шла война, Ахмету не было и шестнадцати. В клубе Тахта-Базара — это райцентр на самом юге Туркмении, под Кушкой, — показывали тогда «Чапаева». Раз десять юноша смотрел этот фильм. Очень заинтересовал его станковый пулемет. Он хотел непременно стать пулеметчиком. Ходил в военкомат. Просил, чтобы и его направили на фронт. Отец и три брата уже воевали. Когда, наконец, Ахмета призвали, его определили в радисты... На Курской дуге парня сильно контузило — оглох и онемел. И случилось так, что несчастье счастью помогло. Оправившись от контузии, попал в пулеметчики. Командиром пулеметного расчета был Иван Озеров. Ахмет очень привязался к нему.

— Мы стояли в обороне под Витебском, — рассказывает Аллабердыев. — Наконец 23 июня сорок четвертого пошли в бой. Заняли Жлобин, двинулись к Бобруйску. Немцы бросили на наш полк сорок танков. Наш стрелковый батальон был первым на правом фланге. Пулеметами «тигра», конечно, не уничтожить, но на каждом танке сидело человек по восемь десантников. Вот по ним мы и били! А «тигры» идут. Командир роты приказал приготовить противотанковые гранаты. Озеров в свое время обучил нас обращаться с трофейными фауст-патронами. Одна такая штука была у меня. Выстрелил. На танке взорвался бак с горючим. Мои товарищи подожгли второй танк. А по цепи передают: боеприпасов мало. К счастью, подтащили пять коробок лент для пулеметов. Страшно обрадовались. И в этот момент ударил фашистский миномет. Убило Озерова, дорогого нашего Ивана. Разъярившись, мы уничтожили еще пять немецких танков. Через несколько дней узнали, что Озерову посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Я был младшим сержантом, и меня назначили командиром пулеметного расчета вместо него. Тут я и получил первый орден Славы.

— Места эти под Бобруйском и Витебском хорошо известны и мне.

— Продолжил рассказ Аллабердыева бывший командир диверсионно-подрывной группы, а ныне директор школы рабочей молодежи в Минске, Герой Советского Союза Владимир Парахневич. Парахневич — человек самой мирной профессии. В канун войны он окончил физмат, готовился стать учителем, а потом в партизанах лично пустил под откос двадцать один эшелон.

— Только действовали мы здесь годом раньше, когда родная Белоруссия была еще партизанским краем. Мы получили задание любой ценой разрушить железную дорогу Бобруйск — Жлобин, по которой немцы подвозили к Курской дуге технику и живую силу. Пять наших групп уже, как говорится, «сидели» на этой дороге. Но ничего сделать им не удавалось: слишком бдительна охрана. Командование приказывает: выходи немедленно сам. Я взял с собой Илюшу Бондаренко, Женьку Зуева и Михаила Парахневича. По пути подробно расспрашивали у жителей, как расставлена охрана, где засады, когда меняются часовые. Местность открытая, безлесная. И все-таки пришлось идти днем. За два часа до захода солнца мы остановились метрах в шестистах от железной дороги. Дальше шла картошка. Затем полоса отчуждения. Проползли мы картошку, стали наблюдать. Видим: по одной колее идут поезда к фронту, а по второй развозится усиленная охрана на ночь. Левее нас, около небольшого мостика, замечаем засаду. Насчитали в ней двадцать шесть немцев. В основном автоматчики. Да еще два пулемета смотрят в нашу сторону. Ровно через три столба — через сто пятьдесят метров значит — еще одна засада. Прошел поезд — между засадами патрулируют три автоматчика. Что делать? Я решил закладывать мину здесь. Лучшего все одно не найдешь. Посмотрел на Бондаренко: «Илюша, поползешь со мной?» Он ответил: «Мог бы и не спрашивать». Никто из нас не надеялся, что назад вернемся. Приготовили гранаты-«лимонки» для себя, на случай, если обнаружат. Илюша привязал на спину восемнадцать килограммов тола. А я взял минное приспособление. Поползли. Погода стояла настолько тихая, что мы боялись, как бы шорох одежды не выдал нас. Поэтому сговорились ползти только под грохот поезда. Проходит поезд — ползем. Миновал нас — замираем. Вот мы уже на насыпи. Тут как раз поезд. Я сразу начал копать в балластном слое ямку под тол. Илюша придерживал меня сверху за голову, чтобы платформа не задела. Заложил тол, замаскировал. Жду, когда пройдет поезд. Наконец простучал последний вагон. Я быстренько поставил мину нажимного действия. Не успел кончить — Илюша толкает: автоматчики! Мы скатились вниз. Лежим не дышим. Напряжение такое, что я даже палец с курка снял, чтобы случайно не выстрелить. Иначе все пропало: немцы примерно в четырех метрах от нас. Стоило им гля-

А. Дейнека. ОКРАИНА МОСКВЫ. 1941 ГОД.

Кукрыниксы. БЕГСТВО НЕМЦЕВ ИЗ НОВГОРОДА.

Б. Неменский. МАТЬ.

А. Лактионов. ПИСЬМО С ФРОНТА.

На развороте вкладки: **Б. Иогансон.** ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ.

Ф. Богородский. СЛАВА ПАВШИМ ГЕРОЯМ.

В. Костецкий. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

С. Григорьев. В РОДНОЙ СЕМЬЕ.

нуть в нашу сторону — все. Но, видимо, они никак не ожидали, что здесь окажутся партизаны, а потому по сторонам не смотрели, просто шли и разговаривали. Отползти мы тоже не могли — заметят. Решили ждать второго поезда. Как только послышался шум, отползли метров на сорок. Поезд почти у самой мины. Вскакиваем и бежим что есть силы. Нас, конечно, сразу увидели, открыли огонь. Но тут как грохнет взрыв! И пошло — скрежет, треск, крики и стоны. В поезде-то, оказывается, на фронт ехало пополнение. Пока враг очухался, мы успели еще отбежать. Но вот охрана открыла сильный огонь. Мы залегли и сделали ошибку — гитлеровцы развернулись в цепь, идут на нас. Тут к нам присоединились Женька Зуев и Михаил Парахневич. Из автомата я положил одну вражескую цепь, вторую мы тоже заставили лечь. А мы тоже перебежками добрались до поля, спрятались во ржи и считаем — спаслись. Но не тут-то было: в трех километрах располагался вражеский гарнизон, подскочили две танкетки. Мы залегли. Они промчались мимо. Повернули, утюжат поле вдоль и поперек. Ну, думаем, не уйти! Попрощались мы друг с другом, поцеловались. И решили двигаться ползком, прямо навстречу немецкой цепи. Гитлеровцы уже не стреляли. Видно, надеялись найти нас, взять живыми. Но что это? Смотрю: в цепи есть небольшой разрыв. Я крикнул: «Быстро за мной!» Мы прямо в этот разрыв, по ржи переползли в картошку. Немцы-то во ржи нас ищут, а мы по картошке, по картошке подползли к самой железной дороге, а затем вдоль полотна. А они все чешут поле и удивляются, куда же мы делись.

В результате диверсии был уничтожен поезд с отборными войсками СС. Тридцать шесть часов фашисты разбирали обломки. Пока они там возились, я с другими диверсионными группами взорвал небольшой мостик да еще в нескольких местах железнодорожное полотно... Пропускная способность дороги сразу на нет сошла. И это перед самой Орловско-Курской битвой.

— И в мою жизнь навсегда вошла Курская дуга и день 25 июня под Орлом.

Принял эстафету из рук белоруса Герой Советского Союза литовец Вацловас Бернотенас. Сейчас он заведует отделом редких книг республиканской библиотеки в Вильнюсе. Тишайшая работа. А 25 лет назад Бернотенас командовал взводом разведки полка, и сам Эдуардас Межелайтис назвал его «непобедимым человеком» и даже посвятил ему стихотворение.

— В тот день мы обязательно должны были взять пленного. Все чувствовали, что противник готовится к генеральному наступлению. Но когда оно будет? Пятого или первого июля? Добыть языка ночью не удавалось. И тогда решили пойти за языком в открытую, средь бела дня. День был жаркий, без единого облачка. Впереди лежала равнина без единого кустика. В такой день хорошо отдыхать на травке. А разведчику лучше осень, да дождь погуще, да кустарник повыше... Ворвались мы в немецкие окопы, овладели высотой и взяли, наконец, пленных. С большим трудом досталась нам высота. И поэтому, когда пленные были отправлены в полк, мы, литовцы, не могли расстаться с этим кусочком русской земли. Дороже родного дома он нам стал! Не сговариваясь, решили держаться на этой высоте. Слишком хороша была здесь позиция, с прекрасным полем обзора. Восемь часов отбивались мы от наседавших фашистов, но они нас не победили. Как никогда, выручало чувство локтя товарища. Наконец, осталось нас трое. «Уходи»,— сказал я нашему парторгу Кудло. А он говорит: «Ты уходи». «У тебя,— говорю,— жена только что родила». А он: «А ты еще жизни не видел, тебе надо жить». Это был коммунист-подпольщик с Немана, работал он печатником в типографии. Теряя сознание, сбиваясь с дороги, восемь суток одолевал я те восемьсот метров. На середине пути догадался ставить колышки — ориентиры на пути между высоткой и линией фронта. Стало легче. Так и дополз... Меня уже считали погибшим. И когда наконец третьего июля подобрали меня наши бойцы, я узнал, что посмертно присвоено мне звание Героя Советского Союза.

— Похожая история и со мной произошла, меня тоже считали пришельцем с того света, когда вернулся в часть.

— Взял слово посланник Армении, полный кавалер ордена Славы Рубен Папоян.

— Дело было в Карелии. Прорвав оборону врага на Медвежьегорском направлении, мы вышли к государственной границе СССР — Финляндия и продолжали развивать наступление уже на территории противника. Но части наши устали, поредели... Потому-то мы и попали в кольцо. Неприятель пошел в контрнаступление. Одна атака, вторая, третья. А вы знаете, что это значит. Особенно мешал нам пулемет, что строчил недалеко от нас. Подползли к нему — видим, пулеметчиков трое. Стреляю в упор. Один свалился, другой. И вдруг земля мне в лицо, огонь, грохот! Дальше ничего не помню. Потом узнал, что был ранен в нескольких местах, одна пуля засела в области сердца. Подобрали меня среди мертвых на другой день, когда наши прорвались из окружения. Повезли в госпиталь, в Петрозаводск. Ну, это длинная история. Два месяца валялся, сделали две операции. Тут про меня в газете написали. А ребята в части прочли и не поверили. «Не может быть,— говорят,— погиб наш Рубен. Вот и партбилет его!» Чтоб убедиться, пришли в госпиталь, и что, вы думаете, сделали? Прямо с койки «украли» меня. И опять я пошел на фронт...

— Да, чего только на войне не бывает! Теперь даже самому не верится.

—Поддерживает Папояна полный кавалер ордена Славы Вараздат Абрамян, директор спортивной школы в Ереване.

— Я артиллерист, а приходилось быть и пулеметчиком и врукопашную драться. Однажды только переправились мы через реку и развернули гаубицу к бою, как нам сообщили, что в лесу группа гитлеровцев. Вот так подарочек для артиллериста! А нас всего-то тринадцать человек. Да еще метрах в ста расположился наш пулеметчик. И вдруг слышим громкую немецкую речь. Фашисты, человек сто, шли во весь рост, пьяные, орут и вообще ведут себя нахально. Наше орудие было теперь небоеспособно. Мы взялись за автоматы. Погиб из моего отряда боец Гуща, ему было лет пятьдесят. Немцы били разрывными пулями... Пулемет наш замолчал. Подбегаю — оказывается, пулеметчик молодой, неопытный, что-то у него заело... Я помог наладить пулемет, и он снова застрочил. Ребята наши дрались, как львы. Я не могу сказать, что один воевал хорошо, а другой воевал плохо. Героизм был массовый. Ну и немцы, хоть и пьяные, а отступили, не выдержали.

Вараздат Абрамян — второй наш гость из Армении. И вот как это получилось. Когда мы уже готовились к встрече, раздался телефонный звонок. Военком Еревана спрашивал: «Почему вы вызываете одного кавалера, когда у нас в городе два? Мы второго тоже командируем...»

От Российской Федерации мы пригласили Степана Денисенко — сибирского снайпера, Хатмуллу Султанова — командира противотанкового взвода и медсестру Матрену Ноздрачеву (Нечипорчукову). Матрена Семеновна приехать не смогла: ее задержал грипп. Пришла от нее из Красногвардейска, что на Ставропольщине, телеграмма: «Больна, желаю участникам встречи больших успехов, отличного настроения». Наши гости единодушно пожелали ей того же. Она среди советских медицинских работников-женщин единственный полный кавалер ордена Славы. На такой встрече нельзя обойтись без наших героических медсестер. Тем более, почти все наши гости вспоминали о них. А вместо выступления Матрены Семеновны мы прочитали отрывок из книги, в которой о ней рассказывается.

Матрена Ноздрачева. Снимок 1945 года.

«Артиллерийская подготовка кончилась. Солдаты поднялись и побежали вперед. Побежала за ними и Мотя с двумя санитарами. Теперь их только трое осталось от санвзвода. Одному санитару раздробило руку. Мотя быстро перевязала ее и снова вперед. Бежали, на ходу поднимали упавших, оказывали им первую помощь. Тех, кто не мог идти, переносили в укрытие и снова торопились туда, в гущу боя. Подошла подвода, Мотя уложила на нее неспособных передвигаться. Остальных оставила, собрала в одно место. Кто ранен в ногу, кто в спину, кто в руку, кто в грудь. Двое тяжелораненых опираются на нее, Мотю. За плечи этих двух держатся другие, за других цепляются третьи. Идет, тихо движется по полю эта необычная процессия, не в ногу, с трудом, медленно, прямо во весь свой солдатский рост. Во главе ее, впереди — девушка-невеличка, в сбившемся набок берете, в гимнастерке, залитой кровью, в порванных сапожках. Худенькая, а у самой еще и амуниция за спиной, да еще ремень с флягой тянет. С земли смотрят на нее знакомые незрячие лица, лица людей, которые еще несколько часов назад видели, говорили, слушали.

Все пятнадцать человек дотянула, дотащила Мотя в санроту полка. Кто-то из девушек ей тогда посоветовал:

— А ты, Мотенька, считай, считай всех, скольким поможешь. Награду получишь.

Попробовала Мотя вспомнить, прикинуть в уме, многим ли она спасла жизнь под этим страшным Изюмом. И вдруг жаром обдало ее с головы до ног, испарина выступила на лице. «Господи, что ж это я делаю?» — устыдилась она самой себя. И потом никогда больше она и не пыталась считать, а делала и делала все, что могла, для всех, кто был ранен, как бы много раненых ни попадалось ей на пути.

Так начинала сержант Нечипорчукова...»

Дальневосточный шахтер, полный кавалер ордена Славы, татарин Хатмулла Султанов попал на фронт поздно, за год до окончания войны. Но сражался с «тиграми» и «фердинандами» он столь храбро, что за десять месяцев наверстал упущенное и удостоился самой высшей солдатской награды. Был у него такой день.

— Шел апрель сорок пятого. Наши войска окружили десятки тысяч немцев. Гитлеровцы непрерывно бросались в контратаки. Мне, как командиру противотанкового взвода, приказали уничтожить огневую точку в одной из деревень, из которой шло подкрепление. Нашли мы этот пуле-

Участники встречи в «Огоньке». Первый ряд (слева направо): Рубен Папоян, Вараздат Абрамян, Иван Драченко, Ефим Минкин, Абдыкасым Карымшаков, Арнольд Мери, Ага Гасан Мамли-оглы Нахметов, Фазыл Адильбаев. Стоят: Саид Ниязов, Григорий Дарьев, Мурман Джапаридзе, Степан Денисенко, Ян Розе, Пулат Атаев, Владимир Парахневич, Ахмет Аллабердыев, Владимир Федоров, Анатолий Брандыс, Вацловас Бернотенас, Хатмулла Султанов.

Фото А. Бочинина.

мет. Противотанковое ружье тут не годится. Пополз по-пластунски сам. Вижу, бьет пулемет из двухэтажного дома, что стоит на другой стороне шоссе. Как преодолеть эти двадцать метров асфальта? Прежде всего надо собрать всю свою волю. Рванулся. Удалось обежать дом, вижу: внизу, в подвале, немцы. Прямо туда и швырнул противотанковую гранату. Одной хватило на всех.

Кто-то спросил у Султанова, чем он сейчас занимается.

— Работаю бурильщиком в Башкирии. Был в Индии, разведывал нефть. Геологи из ФРГ и США утверждали, что в Индии ее нет. А мы пробурили скважину, и забил фонтан небывалой силы — триста сорок тонн в сутки. Потом еще один. Джавахарлал Неру приезжал, благодарил нас.

У старшего инженера новосибирского завода полного кавалера ордена Славы Степана Денисенко самый большой фронтовой стаж: начал воевать в тридцать восьмом году на озере Хасан. Закончил в сорок пятом. Точнее, завершил службу в армии участием в параде Победы на Красной площади. В составе Сибирской дивизии отстаивал Москву. Первый орден Славы получил за Киев. О себе Денисенко говорить не любит. Рассказал о командире пулеметного расчета Андрее Сиваке, который взял в плен немецкого генерала со всем его штабом и обозом. А потом о другом товарище.

— Был у меня очень хороший друг еще со школьных лет Семен Павлов. Служил в нашем полку. Был тоже снайпером, как и я. На Курской дуге он погиб. Когда похоронили его, я попросил командира батальона отдать мне его винтовку. С ней я дошел до Праги. 181 гитлеровец на моем счету. Да еще пятьдесят было у Сени Павлова.

— Ваш счет побольше моего,— **уважительно сказал латыш, начальник управления кинофикации города Риги, полный кавалер ордена Славы Ян Розе.**

— У меня — 116. Да еще двенадцать рейдов в тыл врага и восемь языков. Я тоже, кстати, из Сибирской дивизии. Бросили нас в сорок первом под Смоленск, к Ярцеву. Под Москвой был ранен. После выздоровления направили меня в 43-ю Латышскую дивизию. Свою республику освобождал. На подступах к Риге командир полка поручил мне найти наблюдательный пункт. Я облюбовал для этого Виэталвскую церковь. Это была хорошая церковь с высокой колокольней и находилась как раз в нейтральной зоне. Я взял рацию, взобрался наверх. Оттуда, с высоты, открылась великолепная панорама. В бинокль были видны и пулеметные и артиллерийские позиции врага, и все извилины его траншей и окопов. Все наблюдения я передавал на командный пункт или прямо нашим артиллеристам. Гитлеровцы скоро догадались, что на церкви находится корректировщик, и обрушили на нее шквал огня, пустили даже танки. Во время обстрела снесло купол церкви, попадали колокола, даже рация пострадала. Но все же я продержался пять суток, пока наши не перешли в наступление.

— Для меня самый памятный день войны — мартовский, сорок пятого года, года, когда я стал коммунистом.

— **Сказал полный кавалер ордена Славы Фазыл Адильбаев, следователь прокуратуры Конпектинского района, Казахской ССР.**

— Произошло это под Франкфуртом. Наступая, мы вышли к железной дороге. Я, как пулеметчик, поддерживал стрелковую роту. В это время немцы перешли в контратаку. Мы ждали, пока они подойдут поближе. Наконец, я нажал гашетку. Пропустил ленту — и немцы залегли. Остальные пулеметы тоже открыли огонь. Контратака была отбита. Теперь настала наша очередь наступать. Мы погнали фашистов... Когда после боя я вернулся в блиндаж, мне вручили партийный билет.

Следующий оратор — майор милиции, работает в Тбилиси полный кавалер ордена Славы Мурман Джапаридзе.

— Мне бы хотелось рассказать об одном эпизоде, происшедшем на Сандомирском плацдарме. Может быть, журнал «Огонек» поможет найти моего командира, которого я потерял в ту трагическую ночь? Фамилия у него редкая — Ныник. В ночь на двенадцатое января группа артиллеристов во главе с командиром дивизиона гвардии капитаном Ныником приняла разведку боем. Странная тишина за линией фронта показалась нам подозрительной. Капитан разгадал замысел врага — взять нас в мешок — и приказал отходить. В тот момент, когда он встал, подал команду, молнией полоснула автоматная очередь и, будто ножом, пересекла командиру обе ноги. Я взвалил его себе на спину — он был больше меня, высокий и тяжелый — и пополз. Одной рукой еще автомат держал. Стало жарко. Положил капитана рядом, сбросил шинель и телогрейку, а с Ныника снял кожаное пальто. Между нами тяжело плюхнулась мина, но, к счастью, не разорвалась. Я снова пополз. Когда мы добрались до проволочного заграждения, враг открыл перекрестный огонь. Я переждал, осмотрелся, выбрал место, где огня поменьше, и, наконец, дотащил Ныника до своих окопов. Тут кое-как перевязал капитана. Ныник попросил: «Посмотри на часы». Я достал из его кармана часы. Было девять утра по московскому. «Через час начнется наступление»,— сказал капитан. Пехотинцы дали нам саночки с собаками, и я отвез командира в санчасть. С тех пор я его больше не видел. Знаю, что остался жив. Но где он?

Стоило только заговорить Джапаридзе о разведке и разведчиках, как наши гости стали вспоминать случаи, связанные с этой опасной, овеянной романтикой фронтовой работой.

Полный кавалер ордена Славы Пулат Атаев, начальник Ленинабадского отделения Таджикского института научно-технической информации и пропаганды:

— Слушал я вас, Мурман, и думал: о нас вы рассказываете. В очень похожую ситуацию и мы попали. Когда очутились за проволочным заграждением, разделяющим линию фронта, взлетели ракеты, ударили очереди. Обнаружили нас. Но отступать некуда. Я бросил в ближайший пулемет гранату, вскочил в блиндаж. А фашистский солдат, засевший в блиндаже, выбил у меня из рук автомат. Завязалась рукопашная. Верзила-фашист подмял меня под себя, и плохо бы все кончилось, если б мне не удалось выхватить кинжал. Товарищи справились со вторым немцем, а третьего мы взяли в плен.

Полный кавалер ордена Славы Ага Гасан Нахметов, бригадир субтропического совхоза Азербайджанской ССР:

— Мы стояли в обороне. Ночи были темные, и каждую ночь кто-то у нас пропадал. Куда девались солдаты, никто не мог понять. Нет ни среди раненых, ни среди мертвых. Нет, и все... Однажды глухой ночью часа в четыре ко мне в блиндаж вошел какой-то незнакомый офицер: «Эй, солдат, пойдем со мной, живо! У меня адъютантом будешь!» Я подумал, он меня не знает, зачем тогда берет в адъютанты незнакомого человека? «Давай»,— говорю я, а сам смотрю, куда это он меня поведет. А-а, в сторону врага! Ясно, чей ты офицер! Ну, хорошо же! «Хенде хох! — гаркнул я.— Стрелять буду!» И связал «офицера». Не знаю, кто был этот фашист, но русский язык знал хорошо. А все-таки пришлось ему самому языком стать!

Полный кавалер ордена Славы Григорий Дарьев, шофер колхоза имени Ленина, Молдавской ССР:

— Наша трудность была в том, что противник перед своими окопами успел заминировать поле. Но мы следили за работой вражеских саперов, замечали места, где они оставят узкий проход, по которому переползут сами. И заметили! Этим-то коридором ночью мы и воспользовались. Когда волокли фашистского «языка», он не столько нас боялся, сколько собственных мин. Я не все время был разведчиком. Но все же пять «языков» добыл. И среди них одного офицера.

Полный кавалер ордена Славы Саид Ниязов, бригадир садоводческого совхоза «Паландара», Узбекской ССР:

— Это было уже в Берлине. В ночь на первое мая. Бой шел за каждый дом, за каждую квартиру. Наш артиллерийский расчет следил за одним зданием. Наконец оттуда выбежали несколько человек и скрылись в соседнем доме. Командир взвода приказал окружить двор и уничтожить фашистов. Но когда мы подошли к воротам, с чердака застрочил пулемет. В подъезде нас тоже встретили выстрелами. Камышилов, который шел за мной следом, пустил автоматную очередь, и все стихло. Видимо, фашисты поняли, что сопротивляться бесполезно. Это были переодетые офицеры и среди них три подполковника, которые пытались вырваться из стального кольца, сжимавшего Берлин.

Герой Советского Союза Владимир Федоров:

— Я всю войну был морским разведчиком. Наша работа особая. Приходилось подолгу сидеть в глубоком тылу врага, добывать сведения, отправлять своим. Всего у меня на счету пятнадцать таких операций. Вот одна из них. Началась она в белую ночь двадцатого июля, как раз в день моего рождения. Прыгать с парашютом при дневном свете не очень-то удобно. Но что делать? Надо. Летел я с двумя молодыми людьми — эстонцем и финном-переводчиком. При высадке нас, к счастью, не заметили. Но дней через десять я обнаружил, что спрятанные нами в земле парашюты выкопаны. Теперь игра пошла в открытую. Нас искали эсэсовцы со специальным подразделением собак-ищеек.

Но, несмотря на это, нам удалось сколотить группу из патриотов-эстонцев. Разведданных стало поступать множество. Пришлось вызывать еще наших разведчиков. Прилетели Саша Логинов и Володя Глушко. В результате под нашим наблюдением оказался большой район — от Нарвы до Таллина. Наши связи простирались и дальше — до самого Чудского озера. По сведениям, переданным нами через рыбаков, дежуривших в море, и по рации, авиация знала, что и где бомбить. Диверсиями заниматься нам было категорически запрещено.

К концу операции мне было поручено отходить одновременно с противником,— гитлеровцы начали эвакуацию. Мы должны были отступать вместе с ними. Но случилось так, что наши танковые войска обошли противника, и все произошло, как в кино: в последний день мы, пять русских, оказались в лесу, отрезанными от своих. А гитлеровцы разыскивали нас: в группе нашелся все-таки один предатель! Квадрат, в котором мы держались, сужался. Вокруг по дорогам стягивались цепи эсэсовцев. Как стало потом известно, они по общему сигналу должны были сжать нас со всех сторон и захватить. К счастью, наши танки вышли по побережью на юг, и мы оказались у своих. Немало моих товарищей сложило головы на войне. Больше всего я переживал гибель моего лучшего друга Александра Логинова. Погиб он от пули вражеского агента. В тот день Александр возвращался с квартиры вместе с этим агентом, которого считал за своего, и был убит. В эти же дни погиб и Анатолий Афанасьев. Не вернулся вместе с экипажем самолета Володя Глушко. Закончил я воевать под Кенигсбергом. А о том, как воевал, написал книгу «Суровые тропы».

После войны слесарь ЗИЛа москвич Владимир Федоров снова вернулся в свой родной инструментальный цех, работал слесарем и учился. Потом стал мастером-технологом, начальником отделения. Сейчас возглавляет бюро Научно-исследовательского института автомобильной промышленности. Путь, характерный для многих наших гостей: бывших солдат Степана Денисенко, Арнольда Мери, Пулата Атаева, Ефима Минкина, Фазыла Адильбаева, Мурмана Джапаридзе... Путь поколения, завоевывавшего Победу!

Николай **ТИХОНОВ**

Утро Победы

Уничтожив все вражьи стоянки
И кончая смертельный свой труд,
Полны сил, наши кони и танки
Воду Эльбы и Одера пьют.

К Бранденбургским вратам не украдкой,
А победно, в дыму и в пыли,
Через Шпрее по мостикам шатким
Штурмовые отряды прошли.

Под руинами стен раскаленных
Еще смертники пьяно галдят,
Их последние фауст-патроны
Из разбитых подвалов летят.

Догорают фашистские бредни,
И над городом дымный венец,
И конец фольксштурмистам последним,
Первым фюрерам тоже конец.

Вот салюты Победы грохочут...
Над пожарищем, в майском тепле,
Уже мирное утро хлопочет
На разбитой и черной земле.

И детей, истощенных, голодных,
В это утро, что нету свежей,
Из котлов своих кухонь походных
Победители кормят уже.

И от страха тяжелые ноги
Унося от столичных ворот,
Самый главный палач по дороге
В пустоту одиноко бредет.

Он напрасно заклятья бормочет...
И над ним, беспощадно клонясь,
Занесен над обломками ночи
Светлый меч восходящего дня!

Тула

Зоя ГРАЖДАНСКАЯ

Тула!
Не ты ли вдали куполами блеснула,
Дымом взмахнула?
Тебя за работой застав,
Я пролетаю. А помню любой переулок,
Тишь и крапиву твоих довоенных застав!

Тула!
Здесь трудная юность на небо взглянула.
Здесь голодали.
Здесь знали станок и ликбез.
Как по зиме здесь крутило, снежило и дуло!
Как по весне зазывали соловушки в лес!

Тула!
Не ты ль навела вороненые дула
Прямо на сердце, на черное сердце врагу?
Тула, не ты ли
Пред ним головы не согнула,
Не устрашилась ни грома, ни блеска, ни гула
В грозные годы, которых забыть не могу?

Тула!
Я издали слала тебе телеграммы.
Я ведь не знала, стоишь ты еще или нет...
Но у меня оставалась здесь старая мама
Где-то в убежищах, где-то в подвалах и ямах...
И приходил тот желанный и гордый ответ.

Тула!
Сейчас ты летящим виденьем мелькнула.
Что ж, кто был юн, неизбежно становится стар...
Только с пути.
Я «Спасибо!» кричу тебе, Тула!
Где-то в груди и доныне стучит твоя сталь.

Интервью «ОГОНЬКА»

ПОДВИГ ТЫЛА

Министр внешней торговли СССР Н. С. ПАТОЛИЧЕВ во время Великой Отечественной войны работал первым секретарем сначала Ярославского, потом Челябинского обкомов партии. Редакция журнала «Огонек» обратилась к нему с просьбой рассказать о самоотверженном труде советских людей в тылу.

ВОПРОС. Война застала Вас в Ярославле. Как встретили войну трудящиеся Ярославской области?

ОТВЕТ. Не более чем через час после того, как нам стало известно о начале войны, собрался ярославский партийный актив. Все были глубоко взволнованы. Нужна была первая ориентировка, как и что делать в условиях войны. Я и сейчас помню суровые и решительные лица своих товарищей — ярославских коммунистов.

В первый же день войны вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в отдельных местностях Советского Союза военного положения, в том числе в Ярославской области.

23 июня вышло постановление ЦК и Совета Народных Комиссаров. 29 июня ЦК и СНК обратились к партийным и советским организациям фронтовых областей. 3 июля по радио выступил И. В. Сталин. В постановлении, в директивном письме и в выступлении ставились конкретные задачи перед народом и армией, перед партийными и советскими организациями, перед каждым советским человеком.

7 июля состоялось собрание ярославского областного партийного актива, на котором мы обсудили задачи военного времени. Ярославские коммунисты правильно определили свою роль в то тяжелое время и направили все усилия на то, чтобы еще теснее сплотить трудящихся вокруг Коммунистической партии и правительства.

Растерялись ли мы? Нет. Война сделала нас более подтянутыми, еще более дисциплинированными. Мы знали, что война будет серьезным испытанием для народа, для его руководителей. Война поставила перед нами сотни вопросов, возникли сотни неотложных дел. Необходимо было быстро перевести всю промышленность на производство военной продукции. Ленин говорил: «...Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны». И мы это делали.

Успешно проходила мобилизация в армию, в военкоматы поступали тысячи заявлений добровольцев, целые семьи уходили на фронт. На предприятиях места ушедших занимали их жены, сестры, младшие братья — подростки, дочери, сыновья. Люди работали по 10—12 часов в сутки, чтобы обеспечить фронт всем необходимым.

Центральный Комитет нашей партии, Совет Народных Комиссаров и, конечно, И. В. Сталин, как Генеральный секретарь ЦК, а перед вероломным нападением фашистской Германии и Председатель СНК, неустанно занимались развитием промышленности, расширением оборонной индустрии, укреплением вооруженных сил. За годы довоенных пятилеток в стране производство чугуна увеличилось в 4,5 раза, стали — в 4,3 раза, проката черных металлов — почти в 4 раза, появились новые отрасли промышленности — авиационная, тракторная, автомобильная, были построены оборонные заводы. Однако не все успели сделать. История мало отвела нам времени на решение этих задач. Если бы мы имели возможность прожить еще 2—3 пятилетки мирно, без войны, мы стали бы настолько мощной индустриальной страной, что уже не страшны были бы нам ни фашистская Германия, никакой другой враг.

Большая работа проводилась непосредственно в армии. Как известно, за период с 1939 года, когда фашизм начал войну в Европе, и по июнь 1941 года, когда он вероломно напал на нашу страну, численность Советской Армии увеличилась почти в 3 раза. Было сформировано 125 новых дивизий. Проводилась большая работа по оснащению войск новой техникой и новыми образцами вооружения. К сожалению, перестройка и техническое перевооружение армии не были завершены. Враг знал, что если мы это успеем сделать, то он не сможет одолеть нас. Но враг все же не смог понять силу и мощь рожденного Октябрем советского строя.

На целом ряде конкретных примеров ярославские коммунисты могли видеть заботу партии в подготовке страны к обороне. На одном из заводов Ярославской области в 1940 году велась интенсивная работа по налаживанию серийного производства одного из важных видов продукции. Интересы дела требовали принятия еще более решительных мер. 21 ноября 1940 года на имя директора завода, главного инженера, главного конструктора, парторга ЦК и мое имя (первого секретаря обкома) поступила телеграмма, подписанная Сталиным и Молотовым, в которой категорически требовалось повысить темпы производства нового изделия.

Мы ежедневно отчитывались перед ЦК о произведенном количестве продукции. Мне

известно, что многие другие секретари обкомов также ежедневно докладывали в ЦК о выполнении планов.

Как мы выполнили указание ЦК и СНК, можно судить по следующим цифрам: в декабре завод уже стал выпускать по 25—26 единиц продукции, в январе — по 30—31, а перед началом войны — уже по 45 единиц продукции в день. Было налажено серийное производство и других видов продукции. Можно было бы осветить и некоторые другие примеры.

ВОПРОС. Какое событие начального периода войны Вам больше всего запомнилось?

ОТВЕТ. Война развивалась стремительно, фронт приближался к Москве. Ярославская область стала прифронтовой. Нас очень беспокоила судьба крупных и очень важных для обороны страны предприятий, а также судьба Рыбинского гидроузла, Рыбинского моря. Если враг сможет разрушить гидроузел или плотину, то миллиарды кубометров воды устремятся в русло Волги, сметая на пути прибрежные города и села.

Как и каждого советского человека, меня интересовал вопрос, когда, где остановим врага, отстоим ли Москву. Хотя мы уже видели, что наша армия стала оказывать врагу более организованное сопротивление, но она все же продолжала отступать. 14 октября из Центрального Комитета сообщили, чтобы я вместе с секретарями горкомов Ярославля тов. Горбань, Рыбинска тов. Туркиным, Костромы тов. Новожиловым прибыл в Москву.

В ЦК, в приемной Сталина, мы встретили партийных работников Ивановской и Горьковской областей. Среди них были тт. Пальцев, первый секретарь Ивановского обкома, Родионов, первый секретарь Горьковского обкома. Около десяти вечера нас пригласили в кабинет. Сталин вышел навстречу, каждому пожал руку и пригласил всех к большому столу. За столом сидел начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников. Сталин рассказал нам о предстоящем задании оборонного значения. Он дал нам время для того, чтобы мы могли подумать, а затем спросил: «Есть ли у вас какие вопросы, замечания, предложения?» Сталин добавил, что работа должна быть произведена быстро. «Очень и очень быстро»,— добавил он. Мы не были подготовлены к беседе на такую тему, да и Сталин, видимо, не ожидал от нас, чтобы мы внесли изменения в предложенный план. Но все же я решил высказать свое мнение. Сталин внимательно выслушал меня, а затем, обращаясь к Шапошникову, сказал, чтобы он обратил внимание на замечания. Затем он сообщил, что к нам прибудут крупные военные специалисты.

Я решился спросить у Сталина, как нам быть с Рыбинским морем. У меня сложилось мнение, что этот вопрос занимал и его, но, однако, он ответил не сразу, прошелся по кабинету, затем четко, ясно и решительно сказал: «Рыбинское море и Рыбинский гидроузел надо оборонять,— а после небольшой паузы твердо добавил:— Защищать! Врага туда нельзя пускать».

Сталин не спешил нас отпускать, подходил то к одному, то к другому, выяснял обстановку на местах, интересовался настроением. Он умел располагать к себе людей, строил разговор непринужденно, я бы сказал, дружески. Мы постепенно и все смелее стали втягиваться в беседу, и я решил задать еще один вопрос: «Не следует ли эвакуировать некоторые заводы на восток?» Этот вопрос нас беспокоил все больше и больше в связи с приближением фронта к границам области, особенно когда немцы овладели Калинином.

Мы знали, что эвакуировать завод — значит вывести его на некоторое время из строя. Но ведь продукция нужна фронту сейчас, именно сейчас. Лучше, чтобы завод не эвакуировался и работал бесперебойно. Но где гарантия, что он не будет разбит вражеской авиацией? А налеты авиации противника участились. Нас беспокоило и то, что население обширной Ярославской области (тогда территория Костромской области входила в состав Ярославской) не эвакуировалось. Ярославцы готовились ко всяким неожиданностям.

— Какие заводы вы имеете в виду? — вместо ответа спросил Сталин.

— Моторостроительный, шинный, фабрику «Красный Перекоп».— Я не стал называть другие предприятия, хотя Ярославский обком и облисполком наметили предложить к эвакуации и другие заводы.

Н. С. Патоличев, Л. С. Баранов, И. М. Зальцман, Ж. Я. Котин и С. Н. Махонин на Кировском заводе.

Сталин помолчал, подумал, а затем произнес:

— В Ярославль мы противника не пустим!

Он это сказал с такой твердостью в голосе и с таким убеждением, что мы все поверили в это. Нам передалась его уверенность.

Сталин после паузы продолжал:

— Но противник может эти важные для страны заводы разбомбить. Их надо эвакуировать.

Почти всю ночь мы пробыли у Сталина. К утру вышли из Кремля, медленно прошлись по Красной площади и вскоре разъехались по областям.

Об этой встрече мы широко информировали население. Доложили на собрании областного партийного актива. Противник был уже недалеко от границ области. Усилились налеты немецкой авиации. Но ярославцы самоотверженно трудились на предприятиях.

Мужественно вели себя ярославцы в эти трудные дни. Вспоминаю это с большой теплотой и восхищением.

ВОПРОС. После Ярославля Вы работали в Челябинске. Как уральцы помогали фронту?

ОТВЕТ. К ноябрю 1941 года враг оккупировал некоторые наиболее развитые в экономическом отношении районы Советского Союза. В этих районах до войны производилась третья часть валовой продукции страны, около 70% всей выплавки чугуна, около 60% стали, более 55% проката черных металлов, более 60% угля, почти все качественные стали. Особенно тогда мы почувствовали всю мудрость нашей партии, нашего правительства, по инициативе которых была создана в годы первых пятилеток вторая угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасс, построены на востоке страны многие другие важные заводы и оборонные предприятия.

Основная тяжесть обеспечения военной промышленности металлом легла на Урал и Сибирь. Челябинская область заняла одно из решающих мест в производстве черного металла. Кроме того, сюда из районов, угрожаемых оккупацией, прибыло оборудование более 200 крупных и средних предприятий, в том числе ленинградского Кировского завода, «Азовстали», «Серпа и молота», «Запорожстали», «Электростали», «Калибра», «Красного пролетария». Вместе с оборудованием приехали рабочие и инженерно-технический персонал с семьями.

Нужно было срочно разместить эвакуированные предприятия и людей, с тем чтобы как можно быстрее организовать производство вооружения. Фронт не мог ждать. Это мы все хорошо понимали. Оборудование порой размещалось не только на площадях действовавших заводов, но и в сколь-нибудь пригодных для этих целей помещениях. Московский завод «Калибр» занял вновь построенное в Челябинске, но еще не открытое здание оперного театра. На сцене театра работал термический цех, в партере — кузнечный, в фойе — другие цехи. Для ряда заводов, в том числе крупных, были построены скоростным методом новые здания. Цехи одного крупного оборонного завода были возведены за два с половиной месяца. В августе 1942 года началось строительство трубного завода, в октябре он уже давал продукцию.

Хорошо помню, как строился Чебаркульский металлургический завод. В ЦК мне сказали: «Это важнейшая стройка, ни с чем не сравнимая. Ей особое внимание». Когда я прибыл на стройку, там уже находился народный комиссар по делам строительства СССР С. З. Гинзбург. Он и руководил всей стройкой. Это был «огневой рубеж», хотя и находился далеко в тылу. На огромной территории были размечены контуры будущих цехов, а внутри них расчерчены места, где должны были быть установлены станки, прессы, молоты и другое обору-

дование. Вместе с закладкой фундамента здания бетонировались основания под оборудование. Еще не была закончена кладка стен, а цехи уже начали давать промышленную продукцию. Надо помнить, что вся эта работа происходила зимой, днем и ночью горели сотни костров, днем и ночью трудились тысячи людей. Завод был выстроен немногим более чем за два месяца.

Пожалуй, не было такого дня, когда бы в области не вступали в строй новые промышленные объекты. Коллектив «Челябметаллургстроя», возглавляемый А. Н. Комаровским, а затем Я. Д. Раппопортом, досрочно, к 25-й годовщине Октября 1942 года, полностью закончил строительные и монтажные работы по трем 30-тонным электропечам, прокатный цех со станами 800, 450 и 350, литейный, механический, кузнечный, модельный и ряд подсобных цехов. Позднее построили две доменные печи, коксовые батареи. Ко Дню Конституции того же года коллектив «Магнитостроя» сдал в эксплуатацию пятую доменную печь. Это была первая построенная во время войны крупнейшая в Советском Союзе домна. Построили ее фактически за три месяца. Большую часть оборудования и металлических конструкций изготовили строители треста «Магнитострой», управляющим которого был В. Э. Дымшиц, и коллектив Магнитогорского металлургического комбината, где директором был выдающийся металлург Г. И. Носов.

5 декабря 1942 года коллектив магнитогорцев получил телеграмму И. В. Сталина, в которой он поздравил магнитогорцев с замечательной трудовой победой. В ней он писал: «Своей успешной работой вы на деле доказали прочность советского тыла и его способность не только обеспечивать нужды славной Красной Армии всеми видами вооружения и боеприпасов, но и в исключительно короткий срок создавать новые производственные мощности. В этом залог нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками. Желаю вам, товарищи магнитогорцы, новых успехов в вашей работе».

Много строили в военные годы в Челябинской области. В короткие сроки построили Уральский автомобильный завод. Это был подвиг. Вновь поздравил Сталин! Нельзя не вспомнить боевых товарищей, отдавших так много сил строительству автозавода: директора завода Г. С. Хламова, начальника строительного треста М. А. Прихожан и многих других.

Строительство новых промышленных предприятий велось добротно, с перспективой на расширение, чтобы и после войны они оставались в строю действующих. Промышленность области уже к концу 1942 года почти утроилась по сравнению с 1940 годом, а в 1944 году превысила 1940 год в 4 раза. Домны и мартены, электропечи, блюминги и прокатные станы снабжали страну всеми марками и профилями оборонного металла. Область производила танки, пушки, пулеметы, минометы, автоматы, танковые и автомобильные моторы, авиабомбы, мины, снаряды, патроны, кавалерийские клинки, и все это непрерывным потоком шло на фронт. Даже Геббельс в январе 1943 года был вынужден признать: «Кажется каким-то чудом, что из обширных степей появлялись все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепил из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве».

Ведущими в области были Кировский танковый завод и Магнитогорский металлургический комбинат. О них следует сказать отдельно.

Государственный Комитет Обороны в своих постановлениях от 12 сентября и 6 октября 1941 года предложил разместить и пустить в кратчайший срок на Челябинском тракторном заводе оборудование эвакуированных Кировского тракторного и Харьковского дизелестроительного заводов. Методом скоростной стройки были построены 17 новых цехов общей площадью более 100 тысяч кв. метров. Это позволило разместить здесь еще московский «Красный пролетарий» и завод шлифовальных станков. Новое предприятие получило название Кировского завода, а народ называл его Танкоградом. В июле 1942 года коллектив Танкограда получил задание Государственного Комитета Обороны организовать и освоить массовое производство танка «Т-34» вместо ранее выпускавшегося танка «КВ». Через 34 дня задание было выполнено, с конвейера сошли первые танки «Т-34».

Танкостроители непрерывно совершенствовали боевые и эксплуатационные качества танков, за период войны создали и поставили на серийное производство 13 новых типов танков и самоходных артиллерийских установок, а также 6 новых типов моторов. На заводе работали талантливые конструкторы Ж. Я. Котин, Н. Я. Духов и другие. Даже когда танк «Т-34» получил на полях войны высокую оценку, а Государственный Комитет Обороны потребовал обратить все внимание на увеличение выпуска только этой машины, конструкторы Кировского завода разработали новый тяжелый танк «ИС». При активной поддержке таких же энтузиастов из рабочих и руководства завода—И. М. Зальцмана и С. Н. Махонина — были построены три танка. Испытали их, а затем уже доложили Государственному Комитету Обороны. Получили указание об организации серийного производства. Танк «ИС» по тем временам был лучшим — он превосходил хваленые немецкие «тигры» и «пантеры».

За годы войны коллектив Кировского завода дал фронту 18 тысяч танков и артиллерийских самоходных установок. Кроме того, завод выпустил 48,5 тысячи танковых моторов, 85 тысяч комплектов топливной аппаратуры, которые были направлены на другие танкостроительные заводы.

Для производства самолетов, танков, артиллерии и другого вооружения требовался высококачественный металл, который выплавлялся в электропечах или в малотоннажных мартеновских печах. На Магнитогорском комбинате таких печей не было. Магнитогорцы дали высококачественный металл. Коллектив инженеров и рабочих, обладавших по тому времени большим научно-техническим и инженерным потенциалом, во главе с директором, талантливым металлургом Г. И. Носовым, освоил выплавку высококачественных легированных сталей в обычных печах большого объема.

На этом же комбинате была освоена прокатка броневой стали для танков, хотя комбинат не имел такого стана, а эвакуированный из Мариуполя броневой стан еще не был установлен. Главный механик комбината Н. А. Рыженко при активной поддержке группы инженеров и Г. И. Носова технически обосновал, рассчитал и принял решение катать броневую сталь на блюминге.

Выдающаяся роль Магнитки в войне общеизвестна. Каждый третий снаряд, выпущенный по немецко-фашистским захватчикам, сделан был из магнитогорской стали.

В одном из своих стихотворений поэт Михаил Львов сказал:

Эти домны святы,
Говорю, понимая,
Приносить бы цветы им
9 Мая.

ВОПРОС. Как жили, как трудились уральцы в тяжелые годы войны?

ОТВЕТ. Жили тяжело, работали хорошо, с большим самопожертвованием, как на фронте — самоотверженно, героически. Люди горели желанием сделать все возможное, чтобы приблизить час победы. На предприятия пришли молодежь и женщины. На Кировском заводе общее число рабочих до 25 лет составляло в 1943 году почти половину, а женщины— треть. На других предприятиях количество молодежи доходило даже до 80%. Смена кадров в связи с уходом рабочих на фронт, однако, не снизила уровня производства. Юноши и девушки трудились самоотверженно, быстро осваивали профессии. Иной раз идешь по цеху и жалко подростков — ему бы еще играть, мяч гонять, а он работает, стараясь не отставать от взрослых. Боевая, энергичная была у нас комсомольская организация. Много усилий она приложила по организации и воспитанию молодежи. Запомнился умный, энергичный Сергей Колесников — секретарь обкома. Можно бы назвать и других. Молодые люди взрослели, закалялись в пламени войны быстро. Хорошее поколение советских людей воспиталось и вышло из войны уже взрослыми.

В области развернулось соревнование, получившее название тысячников. На Кировском заводе возникли новые формы творческой инициативы — почасовое соревнование и за звание почетного рационализатора. На стройках началось движение за овладение несколькими строительными профессиями.

Жили тяжело, особенно вначале, когда стали прибывать эшелоны из западных районов страны. Челябинск и до войны не имел излишка в жилье, а тут так много людей надо было устроить. И местные жители брали к себе приезжих, уплотнялись. Возникли трудности и в снабжении, но общими усилиями в снабжении добились неплохих результатов. Каждый завод, каждое учреждение создавали подсобное хозяйство. Это решило проблему снабжения рабочих и служащих овощами и картофелем.

В трудные дни общая беда сближала и укрепляла людей. До сих пор я поддерживаю дружеские отношения со всеми теми, с кем мне пришлось работать в Челябинске. А дружба тогда рождалась и укреплялась в обстановке особой, суровой. Все болели за дела не только своего предприятия, но и за общее дело, за выполнение задач, которые ставил перед нами Центральный Комитет партии. Если какому-то заводу или стройке нужна была помощь, ее оказывали все. Так было со строительством Чебаркульского и трубного заводов, электростанции, доменных печей, автомобильного завода и других.

Как-то мы с группой товарищей сидели в обкоме. Было около трех часов ночи, вдруг яркое зарево осветило здание. Все быстро выскочили на улицу. Зарево поднималось над одним из заводов. Мы выехали туда. Горел крупный цех. Через полчаса туда же стали прибывать начальники строительств, директора заводов. С рассветом осмотрели место, определили, что нужно делать, и вскоре все управляющие и директора, не сговариваясь, направили на этот завод людей, машины, стройматериалы. Да и сами они днем изыскивали время, чтобы приехать и посмотреть, чем еще нужно помочь. Разрушенный цех был быстро восстановлен и пущен. Сбоя в отправке на фронт продукции не было.

Как партийный работник тех лет, скажу несколько слов и о партийной работе. Мы постоянно помнили указания ЦК о том, что в практической работе нельзя отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную работу ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы. Особую актуальность и остроту это указание ЦК приобрело во время войны. Несмотря на чрезвычайность обстановки в Челябинской партийной организации, с учетом требований войны, своевременно созывались пленумы обкома, горкомов и райкомов, собрания областного партактива, партийные собрания первичных организаций. По каждой отрасли хозяйства в обкоме был секретарь обкома партии, отдел обкома. Дружно работало бюро обкома, вся областная партийная организация.

Партийно-политическая работа проникала во все уголки жизни цеха, завода, поселка, района, города. В условиях войны ее нелегко было организовать: часто сменялись партийные работники в первичных партийных организациях, многие из них уходили на фронт. В партию шли новые люди.

На 1 января 1943 года в рядах областной партийной организации насчитывалось 54 тысячи коммунистов. За один 1943 год по области было принято кандидатами в члены партии 10 486 человек. В партию приходили лучшие люди. Коммунисты шли в первых рядах тружеников тыла, добивались высокой производительности труда, решали сложные технические и производственные задачи. Вся деятельность партийных организаций была направлена на максимальное увеличение помощи армии и фронту.

Формирование новых частей, снабжение действующих на фронте войск, разработка новых военных операций — все требовало вооружения, людей и вооружения. Это все давал тыл. Наш советский тыл. Наш советский народ. Огневые рубежи были и на фронте и в тылу. Фронт и тыл — единый организм государства. Победа на фронте — это одновременно и победа тыла.

Страна славит воинов Советской Армии, славит и тружеников тыла.

Западный фронт, 1943 год. Александр Фадеев, Михаил Шолохов и Евгений Петров среди своих боевых товарищей.

Микола НАГНИБЕДА

Крылья верности

Фронтовая песня

...А память,
Как отзвуки славы,
Как в громе далеком
Война...
Тут где-то
Была переправа,
В века уходила она.
Тут маки
Колышутся близко,
Подходят
Воды зачерпнуть,
И, как маяки,
Обелиски
На Киев
Пометили путь.
Давно зарубцованы раны,
И кроны
Сомкнули сады,
Где грозных боев ветераны
Для внуков
Снимают плоды.
Не так теперь
Плачут солдатки,
Мужей в своих снах
Не зовут
И ветхие плащ-палатки
На пахоту
В дождь не берут.
Но песня
Осталась нетленной,
Звенящая славой бойца,
Она всей красой
Вдохновенно
Летит в молодые сердца,
Над зыбкой
Склоняется низко,
В отряд пионерский
Идет,
Положит
Венки к обелиску
И в космос
Направит полет.
Ее родниковые воды
Наполнены силой живой,
Она
Молодеет с народом,
С воспетой
Родимой страной.

За праздничным столом

Вспомним героев, что в битвах сгорели,
Вечно живых.
Они не вернулись,
Но к нам долетели
Легенды о них.

Под небом высоким прикрыли их травы
Братских могил.
На тихом Дунае,
На кручах Моравы,
На сопках Курил.

Поклон наш их семьям — они не забыты,
Сестры, сыны,
Им всюду для счастья
Дороги открыты,
Дороги страны.
Поднимем бокал за Отчизну родную,
Поклонимся ей
За стяг ее гордый,
За волю стальную
Ее сыновей.

За гул заводской, за полей изобилье,
Мысли накал,
За алые зори,
За верности крылья —
К небу бокал.

Но прежде за тех, что в сраженьях сгорели,
Вечно живых.
Они не вернулись,
До нас долетели
Легенды о них.

Авторизованный перевод с украинского Юрия САЕНКО.

ГНЕВ ЗЕМЛИ

Посмотри на эти снимки, боевой товарищ, друг мой, партизан и подпольщик, и вспомни тяжкое лето сорок первого года!

Какие хлеба стояли на колхозных полях! Оно могло быть добрым, небывало урожайным, то лето. Оно обернулось трагедией...

Лязгая, грохоча, стреляя и взрываясь, катило военное лихо. Катило на восток, к Москве, в глубь нашей Советской страны.

Гитлеровские солдаты в зеленых кителях с засученными рукавами и важные офицеры в высоких щегольских фуражках ехали и шли нашими дорогами. Упивались своими победами и властью, которую приобрели над чужой землей и над чужими жизнями. Они смеялись над нашим горем. И, радуясь даровой жратве и награбленному добру, орали «Хайль!».

А на площадях ветер раскачивал трупы повешенных людей. Над придорожными канавами и над противотанковыми рвами, в которые сваливали тела расстрелянных, кружило воронье. И из ворот концлагерей, что, как поганые грибы после дождя, выросли повсюду, куда ступал сапог фашизма, возами и машинами вывозили замученных, уморенных голодом и задушенных газом советских людей...

Таков был «новый порядок», принесенный на нашу землю гитлеровцами. Ты помнишь все это?

И меня и тебя душил гнев. Руки наши тянулись к оружию. И, быть может, ты, доведенный до отчаяния, бросился в одиночку на вражескую колонну и пал в короткой неравной схватке.

В то время мы с тобой еще не знали, как надо по-настоящему воевать в глубоком тылу врага, не знали, где они, самые уязвимые, самые чувствительные места фашистского зверя.

Кто же научил нас бороться с врагом? Кто организовал нас в отряды и подпольные ячейки? Кто нацелил наши удары в самые уязвимые места фашистского тыла? Для меня таким человеком был Алексей Федорович Федоров — первый секретарь Черниговского обкома партии, оставшийся в подполье на своем посту, после того, как на Черниговщину пришел враг. Именно он, Алексей Федорович, и его соратники по партии научили меня и сотни других патриотов знанию сложных законов партизанской тропы и тонкостям конспирации. Научили множеству партизанских хитростей и уловок, которые мы с тобой противопоставили мощному вооружению, военному искусству, жестокости врага. Научили бороться с лживой вражеской пропагандой правдивым ленинским словом. Научили уважать людей полоненной земли, вникать в их заботы и беды. Словом, сделали нас коммунистами.

Но откуда они узнали все это?

Тогда не было учебников партизанской стратегии и тактики. Эти разделы военной науки создавала в ходе борьбы партия, ее люди. Они, эти люди, имели за плечами долгий опыт партийной работы, впитали в себя

Герой Советского Союза С. А. Ковпак с освобожденным партизанами крестьянином, осужденным фашистами на смерть.

Вражеский эшелон, взорванный партизанами.

И стар и млад...

Клятва партизан

вековую народную мудрость, опыт гражданской войны и подполья. Они беспредельно верили в победу над врагом и умели вдохнуть эту веру в народ...

Ведь и тебе, друг мой партизан, встретились, не могли не встретиться такие люди! Встретились и повели за собой. И хоть мне неизвестно, кто именно тебе повстречался, я знаю: то были коммунисты. Теперь их имена знает весь народ — имена белорусов Тихона Бумажкова и Василия Коржа, украинцев Сидора Ковпака и Николая Попудренко, русских Александра Германа, Михаила Дуку, Дмитрия Кравцова, Дмитрия Емлютина, Петра Фомина, латышей О. П. Ошкална, Вилиса Самсона и имена тысяч других коммунистов, оставленных партией в тылу врага.

Ты знаешь, нелегкой была партизанская и подпольная борьба. Не один партизан и подпольщик пал сраженный пулей и сгинул навеки за непроницаемыми дверями гестаповских застенков.

Вспомним Зою Космодемьянскую, героев-комсомольцев «Молодой гвардии», отважного пионера Васю Коробко, Валю Софронову, Лизу Чайкину, Владимира Рябка...

Вспомним секретаря Харьковского подпольного обкома Бакулина и руководителя днепропетровских коммунистов-подпольщиков Сташкова...

Вспомним многих других партизан и подпольщиков, геройски павших в боях, замученных, расстрелянных, но так и не сказавших ни слова палачам.

Ни зверства эсэсовских карателей, ни ярость фашистских главарей, ни целые воинские соединения, которые враг снимал с фронта и перебрасывал из резерва, чтоб истребить партизан, не могли унять пламя, которое разожгли коммунисты.

Но я хочу, чтобы мы с тобой вспоминали не только о боях и походах. Помнишь наши землянки в лесах? Наши костры и песни у костров? Вспомни, как жадно слушали мы радиосводки с Большой Советской земли, как мечтали увидеть родных и любимых. Как ждали и дождались прихода родной Советской Армии. А потом, надев солдатскую форму, вместе с армией шли на запад, к Берлину.

Посмотри на эти снимки и вспомни все, что случилось с тобой на партизанской тропе: и горькую горечь поражений, и безмерную радость побед, и боевых товарищей — тех, кто вернулся живым, и тех, кто пал и навсегда остался лежать под сводами партизанских лесов. И прежде всех вспомни наших наставников — посланцев партии.

Вспомнив все это сегодня, спустя четверть века, мы с тобой вправе сказать себе: есть заметная доля и нашего партизанского ратного труда в общем народном вкладе в Победу.

В. ПАВЛОВ,
бывший партизан, Герой Советского Союза

ДОЛГ ЖИВЫХ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Несколько недель назад во время дискуссии по лондонскому телевидению один английский интеллектуал заявил, что наше общество поражено насилием и беспокойством, что у нашей молодежи нет цели в жизни и все это потому, что мы слишком долго живем в условиях мира. Отсутствие напряженности, расслабленность, сказал он, ведут к тому, что наше поколение слабеет и предается сумасшествию.

Этот высокоинтеллектуальный джентльмен имел в виду, конечно, не одну только Англию, а весь мир вообще. И хотя он, казалось бы, не выступал за войну как средство решения проблемы, было ясно, что для него война имеет свою привлекательность, что в разрушении есть благо.

Сколько бы я ни выслушивал подобных рассуждений, не могу не думать о тех днях, когда Муссолини разглагольствовал перед микрофонами Рима о том, что война почетна, что насилие — это человеческая потребность. И когда потом Муссолини болтался, подвешенный за ноги на одной из улиц Милана, было очевидно, что не слишком-то много почетного в прославлявшейся им войне.

Война привлекательна для реакционеров, пока они сами не становятся ее жертвами. Но для простых людей война всегда была несчастьем. Даже тогда, когда приходилось воевать за независимость своей родины или за свои убеждения, рядовые мужчины шли на войну без желания разрушать, но с большой храбростью в сердце. И они во всех случаях хотели закончить ее как можно скорей, чтобы вернуться затем к своему мирному труду. Во время минувшей войны я ни разу не встречал красноармейца, который бы считал, что война — благо, который не хотел бы поскорее покончить с войной и вернуться домой. Очень глубокая вера и убежденность в правоте своего дела вели этих людей все дальше и дальше, пока они не водрузили красный флаг на куполе рейхстага. И вовсе не радость войны привела их туда...

В действительности все эти новые рассуждения «интеллектуалов» о пользе войны рассчитаны на нашу современную молодежь. «Не беспокойтесь,— говорят эти джентльмены нашей молодежи,— война не так уж плоха. Война не настолько страшна, не столь ужасна. Не думайте много об этом».

Так или иначе, подобные разговоры помогают реакционерам всех мастей снова вылезать на свет божий. Сегодня почти каждый день можно прочитать о том или другом примере возрождения фашизма на Западе. В январе, например, снова вернулись к жизни рекснсты в Бельгии с той же самой политикой, какую они проводили, еще будучи гитлеровской «пятой колонной» в оккупированной Бельгии. В Западной Германии очаги нацизма возникают подобно эпидемии оспы или чумы.

В Англии одно время мы также видели активность новой нацистской партии. И сегодня самые влиятельные английские политики начинают говорить языком тех людей, которые помогали Гитлеру.

Когда вы видите, как все это происходит в наши дни, вам хочется спросить себя: за что мы вели войну? За что же погибли миллионы солдат? Неужели все будет забыто?

Я видел много разных фронтов во время прошедшей войны, но самые критические годы войны я провел, продвигаясь вместе с Советской Армией, по мере того как она освобождала тысячи разоренных деревень, стертых с лица земли городов западной России и Украины, Крыма и Польши. Думали ли мы тогда, что через двадцать пять лет старые враги, которых мы считали мертвыми и уничтоженными, вновь появятся на свет и предстанут перед нами? Разве мы задавали себе вообще подобный вопрос?

И если мы не задавали себе такого вопроса в то время, мы, несомненно, должны сделать это сейчас. Иногда в тяжелые моменты жизни так и хочется спросить себя: «Не напрасны ли были все жертвы войны?» К счастью, ответ на этот горький вопрос достаточно прост.

Сегодня от человечества осталось бы слишком мало, если бы Советская Армия не разгромила нацизм в 1945 году. И чего бы ни достиг человек сейчас, что бы он ни делал стоящего, полезного, динамичного и гуманного — все это было бы невозможным, если бы Советская Армия не разбила фашистов на огромных, политых кровью полях России. Искусство, которое мы ценим, литература, которую мы любим, культура, которой мы наслаждаемся, техника, которой мы пользуемся,— все это существует потому, что Советская Армия, а не какая-либо другая сила в мире спасла нас от падения в мрачную темень средневековья.

Конечно, можно задать себе и другой вопрос: «Если мы победили в этой войне, почему же силы реакции еще так велики, почему они так активно вторгаются в жизнь?»

Почему? Потому что мы еще не в раю. Мы живем в очень реальном мире. Мы продолжаем вести бои с тем же самым врагом, решать те же конфликты. Эти враги вернулись к жизни именно потому, что «воскрешение из мертвых» — старый трюк реакции. В таких делах у нее опыта более чем достаточно.

И последний вопрос: каковы же сегодня наши надежды?

У нас всех осталась та же надежда, которую принесла нам победа в 1945 году. Было бы страшным предательством по отношению к десяткам миллионов погибших, если бы мы успокоились и расслабились сейчас. Было бы непростительным потворством собственной слабости, если бы мы просто продолжали почивать на лаврах наших отцов, забывая, что́ они совершили. Наша конечная цель вполне различима. Сегодня она уже не так далека. Я могу не увидеть ее своими глазами, но я думаю, что мои сыновья увидят мир новым, преображенным. И многие из тех, кто сделал это возможным,— люди, не услышавшие салюта Победы, люди, которые никогда не узнают, что за чудесная вещь — мир!

АПН

Лондон.

БУХАРЕСТ. Так встречали 31 августа 1944 года советских бойцов в румынской столице.

СОФИЯ. Этого дня жители Софии ждали долгие годы. И вот он настал. «16 сентября наши войска вступили в столицу Болгарии, город Софию»,— сообщило в очередной сводке Совинформбюро. ▶

ВАРШАВА. «Сегодня советские войска совместно с частями 1-й Польской армии с разных сторон ворвались на улицы Варшавы. В результате комбинированного удара с севера, запада и юга польская столица освобождена от немецких захватчиков»,— сообщала оперативная сводка Совинформбюро за 17 января 1945 года.

Над разрушенной, но не покорившейся врагу столицей взвился красно-белый польский национальный флаг.

И ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ

Города сравнивают с людьми. У каждого свое лицо, своя биография, своя история. И есть в этой истории страницы, не просто отмеченные красной краской в календаре, а такие, которые изменили судьбу города, народа, страны.

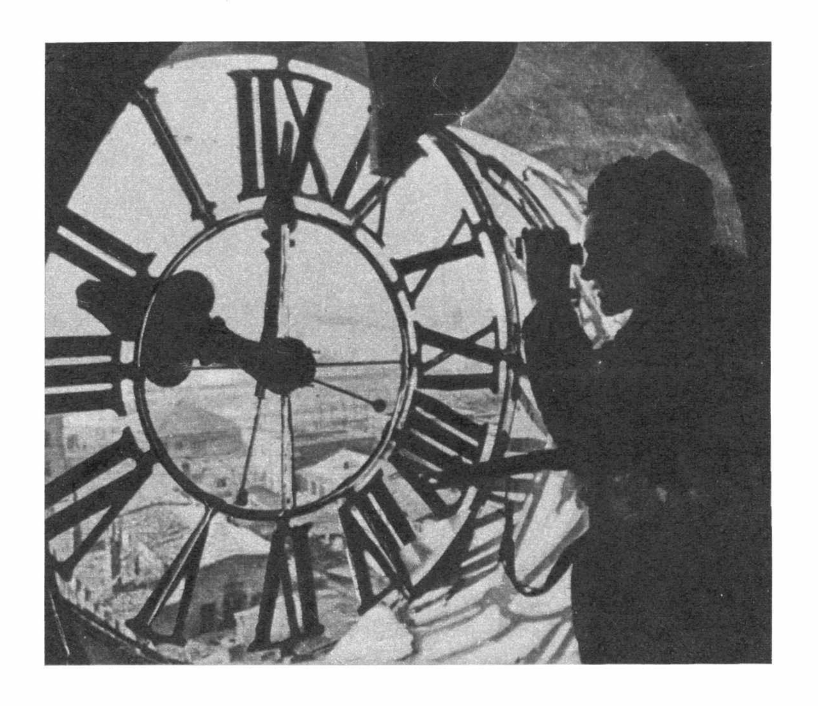
Такими незабываемыми страницами истории стали дни, когда Советская Армия, разгромившая гитлеровские полчища, освободила столицы Румынии, Болгарии, Югославии, Польши, Венгрии.

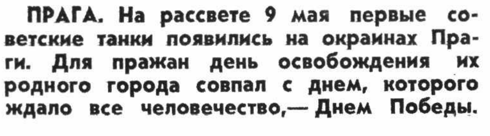
БЕЛГРАД. 20 октября 1944 года Москва озарилась огнями победного салюта в честь освобождения Белграда. В этот вечер разноцветные ракеты взмыли в небо и над столицей Югославии. Советские и югославские воины салютовали в только что освобожденном Белграде в честь очередной победы над врагом. Город ликовал. Цветами и улыбками встречали жители своих освободителей — воинов Советской Армии.

БУДАПЕШТ. Этот снимок сделан в венгерской столице, освобожденной советскими войсками 13 февраля 1945 года. Часы Будапешта будут вести отсчет нового времени, новой истории, которая началась с освобождения венгерской земли Советской Армией.

ПРАГА. На рассвете 9 мая первые советские танки появились на окраинах Праги. Для пражан день освобождения их родного города совпал с днем, которого ждало все человечество,— Днем Победы.

Берлин. 1 мая 1945 года.

МЫ ПРИШЛИ С ПОБЕДОЙ

Начало см. на стр. 2.

Недаром гитлеровская пропаганда называла Зееловские высоты «ключом к Берлину» и «неприступной крепостью».

К 13 часам дня мы отчетливо поняли, что оборона противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять.

Для того, чтобы усилить удар атакующих войск и наверняка прорвать оборону, мы решили, посоветовавшись с командармами, ввести в дело дополнительно танковые армии генералов М. Е. Катукова и С. И. Богданова.

С раннего утра 17 апреля на всех участках фронта разгорелись ожесточенные сражения; враг отчаянно сопротивлялся. Однако к вечеру, не выдержав удара введенных накануне танковых армий, которые во взаимодействии с общевойсковыми армиями пробили на ряде участков

оборону, противник начал отступать. 18 апреля Зееловские высоты были взяты.

25 апреля 328-я стрелковая дивизия 47-й армии и 65-я танковая бригада 2-й гвардейской танковой армии Первого Белорусского фронта, наступавшие западнее Берлина, соединились в районе Кетцена с 6-м гвардейским механизированным корпусом 4-й гвардейской танковой армии Первого Украинского фронта. Берлинская группировка врага общей численностью 400 тысяч человек оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую.

Но еще раньше — 20 апреля, на пятый день операции Первого Белорусского фронта, дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор С. Н. Переверткин, 3-й ударной армии, которой командовал генерал-полковник В. И. Кузнецов, и почти одновременно 1-й дивизион (командир — майор А. И. Зыкин) 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии открыли огонь по Берлину. 21 апреля начался исторический штурм столицы немецко-фашистской Германии.

21 апреля части Первого Белорусского фронта ворвались на окраины Берлина и завязали бой в черте города. Чтобы всемерно ускорить разгром обороны в самом Берлине, было решено 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии вместе с 8-й гвардейской, 5-й ударной, 3-й ударной и 47-й армиями бросить в бой за город. Мощным огнем артиллерии, ударами авиации и танковой лавиной они должны были быстро подавить вражескую оборону в Берлине.

23—24 апреля войска Первого Белорусского фронта громили гитлеровцев на подступах к центру Берлина. В южной части города завязали бой части 3-й гвардейской танковой армии Первого Украинского фронта.

Оборона города в некоторых районах к этому времени уже ослабла, так как часть войск берлинского гарнизона была снята немецким командованием для усиления обороны на Зееловских высотах. Наши части быстро нащупали эти районы и, маневрируя, обходили главные очаги сопротивления.

Но с подходом к центру города сопротивление резко усилилось. Ожесточение нарастало с обеих сторон. Оборона противника была сплошной. Немцы использовали все преимущества, которые давали им перед наступающей стороной бои в городе. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, играли важную роль. По этим путям немцы могли из одного квартала выходить в другой и даже появляться в тылу наших войск.

Река Шпрее с ее высокими цементированными берегами, рассекая Берлин на две части, опоясывала министерские здания в центре города. Каждый дом здесь защищал гарнизон нередко силой до батальона.

Наше наступление не прекращалось ни днем, ни ночью. Все усилия были направлены на то, чтобы не дать противнику организовать оборону на новых опорных пунктах. Боевые порядки армий были эшелонированы в глубину. Днем наступали первым эшелоном, ночью — вторым.

Заранее подготовленной обороне Берлина с его секторами — районами и участками был противопоставлен детально разработанный план наступления. За кажущимся хаосом уличных боев стояла стройная, тщательно продуманная система. Под уничтожающий огонь были взяты основные объекты города.

Главную тяжесть боев в центральной части Берлина приняли на себя штурмовые группы и штурмовые отряды, составленные из всех родов войск.

Суть главной задачи заключалась в том, чтобы лишить противника возможности собрать свои силы в кулак, чтобы расколоть гарнизон на отдельные очаги и быстро уничтожить их.

Для решения этой задачи к началу операции были созданы необходимые предпосылки. Во-первых, наши войска еще на подступах к городу

Берлин. У имперской канцелярии. Фашистский орел и свастика повержены.

Берлин. Май 1945 года. Победители у Бранденбургских ворот.

перемололи значительную часть живой силы и техники противника. Во-вторых, быстро окружив Берлин, мы лишили немцев возможности маневрировать резервами. В-третьих, и сами резервы немцев, стянутые к Берлину, были быстро разгромлены.

Все это позволило нам, несмотря на многочисленные препятствия, сократить до минимума уличные бои и облегчить войскам условия уничтожения вражеской обороны внутри города.

Однако главным, решающим фактором, предопределившим успех штурма Берлина, был, несомненно, беспримерный подъем боевого духа наших солдат и офицеров. Бойцы буквально рвались вперед, проявляя массовый героизм.

При штурме восточной части Берлина особенно отличились 286-й гвардейский стрелковый полк 94-й гвардейской дивизии (командир — подполковник А. Н. Кравченко) и 283-й гвардейский стрелковый полк той же дивизии под командованием подполковника А. А. Игнатьева.

Парторг роты 283-го гвардейского полка Алексей Кузнецов с группой бойцов обошел дом, мешавший продвижению полка, и ударил по фашистам с тыла. Опорный пункт врага был захвачен. Беспримерную отвагу проявил старший лейтенант И. П. Украинцев из того же полка. При атаке одного из домов бой перешел в рукопашную схватку. Отважный офицер заколол девять фашистов.

Подполковник Ф. У. Галкин, заместитель командира 230-й стрелковой дивизии 9-го стрелкового корпуса, при наступлении на Трептов-парк с ходу захватил крупнейшую электростанцию Берлина — Румельсбург, которую гитлеровцы подготовили к взрыву. Когда штурмовой отряд Ф. У. Галкина ворвался на электростанцию, она еще была на полном ходу. Станцию немедленно разминировали. С рабочими был установлен полный контакт. Они не оставили электростанцию.

За этот подвиг Ф. У. Галкину и подчиненным ему подполковникам А. М. Ожогину и А. И. Левину было присвоено звание Героя Советского Союза.

При форсировании Шпрее отличились 1-я бригада речных кораблей Днепровской военной флотилии, особенно отряд полуглиссеров этой бригады во главе с командиром — лейтенантом М. М. Калининым. Несмотря на сильный огонь противника, старшина 1-й статьи Георгий Дудник перебросил на вражеский берег несколько стрелковых рот 301-й стрелковой дивизии. От прямого попадания вражеской мины на катере возник пожар. Дудник был тяжело ранен. Невзирая на ранение и ожоги, он довел катер до берега, высадил десант и отправился обратно. Но тут катер вновь настигла вражеская мина, и старшина Дудник был убит...

Примеры беззаветного мужества и отваги бойцов и офицеров, проявленные в напряженнейших боях на улицах Берлина, можно перечислять бесконечно.

24 апреля командующий 5-й ударной армией Герой Советского Союза генерал-полковник Н. Э. Берзарин был назначен первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина.

29 апреля в центре города развернулись наиболее ожесточенные сражения. В этот день над берлинской ратушей затрепетало красное

знамя. Его водрузил комсорг 1-го батальона 1008-го стрелкового полка младший лейтенант К. Г. Громов. За героизм и мужество Константину Григорьевичу Громову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Развязка приближалась. Около пятнадцати часов 30 апреля командующий 3-й ударной армией В. И. Кузнецов позвонил мне на командный пункт и радостно сообщил:

— На рейхстаге красное знамя. Ура, товарищ маршал!

К концу 1 мая остатки гарнизона рейхстага общим числом 1 500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Рейхстаг был полностью очищен от противника.

В руках немцев остались только Тиргартен и правительственный квартал. Здесь располагалась имперская канцелярия, во дворе которой находился бункер ставки Гитлера.

Вечером 1 мая 301-я и 248-я стрелковые дивизии 5-й ударной армии овладели и этим последним оплотом нацистских главарей. Над имперской канцелярией взвился стяг Победы, водруженный майором Анной Владимировной Никулиной вместе с офицерами И. Давыдовым и Ф. Шаповаловым.

А к 15 часам 2 мая с врагом было полностью покончено. Остатки берлинского гарнизона общим числом 70 тысяч человек, не считая раненых, сдались в плен.

Берлинская операция завершилась.

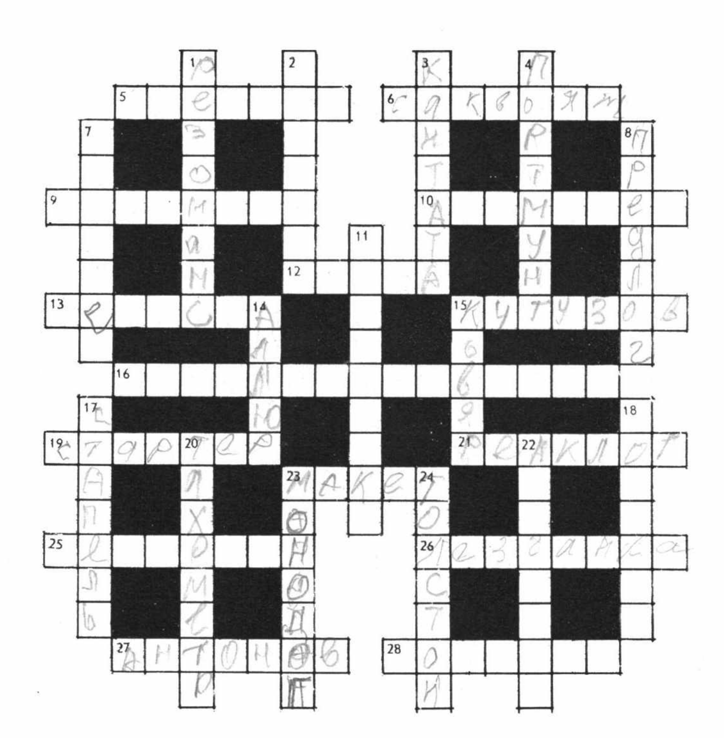
Мы еще в начале Великой Отечественной войны поклялись прийти с победой в Берлин. И мы пришли!

Москва. 1945 год. Первый эшелон с воинами-победителями из Берлина прибыл на Белорусский вокзал.

Снимки бывших военных фотокорреспондентов А. Архипова, Дм. Бальтерманца, М. Глидера, А. Григорьева, А. Егорова, Г. Зельмы, М. Калашниковой, В. Кинеловского, О. Кнорринга, С. Короткова, Б. Кудоярова, А. Морозова, Г. Петрусова, М. Савина, Г. Санько, М. Трахмана, А. Устинова, Е. Халдея, И. Шагина.

МОСКВА.
9 МАЯ
1945 ГОДА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский поэт XIX века. 6. Дорожная сумка. 9. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 10. Единица длины. 12. Тропическое растение. 13. Оркестровый музыкальный инструмент. 15. Русский полководец. 16. Антарктическая прибрежная научная станция СССР. 19. Устройство для пуска двигателей внутреннего сгорания. 21. Сорт слив. 23. Модель. 25. Прозрачный водонепроницаемый материал. 26. Кавказский танец. 27. Советский авиаконструктор. 28. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко».

По вертикали: 1. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 2. Краски, приготовляемые на яичном желтке. 3. Крупное вокально-инструментальное произведение. 4. Город в Великобритании. 7. Военный корабль. 8. Часть речи. 11. Поэма Т. Г. Шевченко. 14. Ход лошади. 15. Художественное текстильное изделие. 17. Площадка для постройки судов. 18. Советский композитор. 20. Прибор для измерения числа оборотов в минуту. 22. Областной центр в РСФСР. 23. Речь, обращенная к самому себе или к зрителям. 24. Автор трилогии «Хождение по мукам».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 7. Ботаника. 8. Аквариум. 9. Оператор. 10. Брусника. 12. Паводок. 15. Палатка. 17. Олово. 18. Пианино. 19. Тетерев. 21. «Обрыв». 23. Синодал. 25. Агроном. 27. Протасов. 29. Электрон. 31. Носорог. 32. «Ариадна».

По вертикали: 1. Шпага. 2. Нерис. 3. «Кочегар». 4. Кимоно. 5. Кварта. 6. Дудинка. 11. Хронограф. 13. Ориноко. 14. «Колокол». 15. Полтава. 16. Аллегро. 20. Тихонов. 22. Сопрано. 24. Аносов. 26. Галера. 28. Айова. 30. Кварц.

На первой странице обложки: Берлин. Знамя Победы над рейхстагом.

Фото Е. Халдея.

На последней странице обложки: Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке, Берлин.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/IV-70 г. А 00059. Подп. к печ. 5/V-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 690. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 1149.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Индекс 70663.
Цена номера 30 коп.